

Александр ПРОЗОРОВ

Ярц

Новый цикл от создателя «Ведуна»!

Молод Одина

Ариец

Александр Проzorов

Молот Одина

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Молот Одина / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2016 — (Ариец)

ISBN 978-5-699-90459-4

Викентий, за любовь к скандинавской мифологии прозванный среди реконструкторов Одним, с детства ощущал в себе странности. Он был сильнее, быстрее, выносливее всех друзей, а любые царапины на нем заживали буквально на глазах. Викентий был доволен своими суперспособностями, но тайна их происхождения не давала ему покоя. Он и не подозревал, что скоро ему придется узнать эту тайну, правда, для этого придется перенестись на сто поколений в прошлое. Ведь божеству древних славян Сварогу нужны могучие колдуны и воины, чтобы они могли сразиться с полчищами оборотней и самой Табити – змееногой богиней скифов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90459-4

© Прозоров А. Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Любящий сын	18
Праздник воина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Прозоров

Молот Одина

© Прозоров А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Тесовая дверь распахнулась, и в просторную горницу, деревянный потолок которой подпирался в центре толстым резным столбом, а бревенчатые стены закрывала темно-бордовая кошма, вбежала пожилая женщина в изрядно потертом сарафане из тонкой сыромятной кожи, с серебряными кольцами на висках и в легкой шапочке с наушами, из-под которой падала на спину толстая, но уже почти седая коса.

– Богиня, Репка-свечница утопилась!

Сидящая на высоком кресле Макошь, молодая кареглазая и круглолицая женщина, чью голову венчал усыпанный жемчугом кокошник, а крупное тело плотно облегала мягкая бирюзовая замша, лишь на плечах замененная шелковистым мехом песца да прикрытая россыпью золотых пластин на груди, резко поднялась, взмахнула рукой:

– Ступайте! – и стремительно скрылась в дверце возле трона.

Мелкие седовласые старушки вострухи – духи-защитницы дома – мигом попроваливались сквозь плотно сбитые доски пола. Остальные оставшиеся в комнате женщины неуверенно переглянулись.

– Чего там, Ласточка? – спросила одна.

– Потом! – отмахнулась тревожная вестница и нырнула вслед за повелительницей.

Макошь миновала одну светелку, другую, повернула и оказалась в комнатенке, единственным украшением которой было огромное – в рост человека – овальное зеркало из черного, как ночь, обсидиана. Богиня на миг замерла, чуть приопустив веки, потом вдруг резко наклонилась вперед, погрузив обе руки и голову в полированный камень, тут же откинулась назад – и выдернула из черноты девушку в мокром платье.

Ее добыча распласталась на полу, натужно кашляя. А Макошь невозмутимо сняла кокошник, внимательно осмотрела его, что-то сдула, пригладила волосы, стряхнула с ладони несколько капель:

– Хорошо... Почти не намокла. – Она вернула украшение обратно, с некоторой брезгливостью глянула на распластанную жертву, кивнула: – Сказывай, Ласта...

Имя Ласточка, данное когда-то маленькой девочке, а ныне пожилой вестнице, и вправду уже давно не подходило. Посему служанка никакой обиды на снисходительное прозвище не выказала, торопливо заговорила:

– В людской мы были, богиня... Ну, поручения нам раздавать стали... К свадьбе готовиться то есть. Репа же, смотрю, руки к губам вскинула, и глаза намокли. И зараз: шасть к дверям! И слышно – побегла. Мне сие странным показалось, я из людской вышла да на башню привратную поднялась, к караульным. Оттуда, знамо, весь двор виден. Глянь, а она не к себе в мастерскую, а за стену выскочила и к реке. И с мостков, с коих белье полощем, в воду кинулась! Коли в одежде-то, так, знамо, не купаться? Там, правда, мелко, по пояс. Она дальше к стремнине пошла, на глубину. Я же к тебе...

– Ты молодец, Ласта, я тобой довольна, – величаво кивнула Макошь. – Коли спросит кто, отвечай, что я тебя сюда не впускала и о судьбе служанки сгинувшей ты ничего не ведаешь.

– Воля твоя, богиня, – склонилась в низком поклоне женщина, вышла из комнаты, притворила за собой дверь.

А правительница поджала губы, снова опустив взгляд на лежащую перед ней мокрую девушку.

– Значит, при известии о свадьбе моего сына ты решила утопиться? – задумчиво произнесла она. – Интересно, как ты выражаешь радость за своего господина!

Богиня толкнула тяжело дышащую жертву ногой в плечо, опрокидывая на спину, погладила ладонью себя по волосам, вытянула из-за спины косу, сняла вплетенную в ее кончик жем-

чужную нить, повесила ее на средний палец раскрытой правой ладони, провела над телом. Возле низа живота нить крутанулась.

– Какая невероятная преданность, Репа! – покачала головой Макошь. – Посвятить моему сыну всю себя без остатка. И как давно вы с ним совокупляетесь?

– Прости меня, великая богиня... – прошептала девушка.

Правительница провела над ней ладонью еще раз, покачала головой:

– Нет, распутница, простым прощением ты уже не обойдешься. Вставай!

Служанка поднялась. Замерла, понунив голову. Выглядела она довольно жалко: сарафан обвис, по всему телу налипла ряска, на ногах повисли водоросли, в волосах запутались какие-то букашки. Ни дать ни взять – утопленница, вылезшая в лунную ночь погреться о живую плоть. Богиня протянула руку в ее сторону, резко сжала пальцы. Девушка охнула, застонала. Ее ступни оторвались от пола, и теперь несчастная растерянно перебирала руками и ногами в поисках опоры. Макошь взмахнула рукой, отправляя ее в зеркало, и тут же нырнула следом сама.

По ту сторону вулканического стекла обнаружилась каменистая прогалина, окруженная многовековыми соснами. Деревья стояли редко, и между стволами, в какую сторону ни посмотри, можно было различить только воду. Они находились на острове.

– Ты хочешь заточить меня здесь, богиня? – зябко поежилась девушка.

– Вижу, ты набралась храбрости, моя маленькая Репка, – скривилась правительница. – Смеешь задавать вопросы своей госпоже?

– Если я все равно умру, чего теперь бояться?

– Ты не умрешь, – покачала головой богиня богатства. – И не вздумай броситься со скалы! Я упрежу Мару, что не желаю твоей смерти, и она не примет твою душу. Ты все равно останешься жива, но в искалеченном теле.

– Это моя кара, богиня? Вечная жизнь?

– Хватит стенать, Репка, – поморщилась Макошь. – Ты станешь смотрительницей в моей священной роще. Вернее, в моем священном лесу. На моем священном острове. Это озеро Нево, любимое штормами, самая его середина. Здешние острова – это просто скалы, с воды на них не забраться. Но пригляд все же надобен. Мало ли что? Не хочу ощутить, как погибают мои олени.

– Но как здесь можно жить? – неуверенно переспросила служанка.

– Зенка считает, что неплохо, – одними губами улыбнулась женщина. – Вон она идет!

На тропе показалась фигурка в меховом плаще с капюшоном. По мере приближения стали различимы черты лица маленькой морщинистой старушки, которую можно было бы принять за воструху или травницу – да только духи домов и леса никогда не стареют, а духи полей никогда не мерзнут.

– Рада видеть тебя, сестра! – без особого преклонения поздоровалась с богиней старушка и сложила ладони на животе. – Что-то одета ты невместно, не по нынешней погоде.

– Я ненадолго, сестренка. – Макошь толкнула девушку вперед: – Вот, прими, к делу приставь. Здесь она себе всяко лишнего не позволит.

– Великие небеса, да ты же вся мокрая! – всплеснула руками Зенка. – Беги в избу, девка, а то простудишься! Вон, вниз по тропе, там увидишь. Одежку свою там сразу сбрось да в одеяло завернись и на печь забирайся. Поутру топила, еще горячая.

Два раза повторять не пришлось – порядком озябшая Репа припустила в указанном направлении.

– Я хочу, чтобы она была в тепле, в сытости и родила здорового мальчика, – тихо распорядилась гостя. – Однако спуску ей не давай. Пусть не догадывается, какую ценность для меня представляет.

– Она зачала от бога? – сразу сообразила смотрительница рощи.

– В нашем роду с каждым поколением рождается все меньше и меньше детей, – вздохнула правительница. – Ребенок, появившийся у братьев или сестер, вызывает уже не отраду, а зависть и беспокойство. Тем более – мальчик. Не хочу, чтобы о малыше этой сомлевшей пред господином дурочки узнали другие семьи. Мало ли что? Здесь же она будет в безопасности.

– Дети смертных чаще всего рождаются без дара могущества, сестра. Посмотри на меня. Я есть простая смертная. Хотя у нас с тобой общий отец.

– Я не жду от глупышки многого, Зенка, – пожала плечами богиня. – Но ведь случаются и потомки, превосходящие отцов! Узнаем, когда родится.

Макошь обняла старушку, повернулась ко вмурованному прямо в скалу высокому обсидиановому зеркалу и шагнула в его черноту.

В зеркальной светелке правительницу уже ждали. Суетливая воструха, ростом немногим выше пояса хозяйки, наряженная в расшитое костяными шариками платье, несколько раз торопливо поклонилась:

– Ладя по Сухоне поднимается, богиня, с крестом алым на парусе и песьей головой на носу. Вестимо, гости с Двины.

«Интересно, отчего вострухи всегда старые и морщинистые, но дряхлыми никогда не бывают? – подумалось Макоши. – Они словно сразу рождаются древними в темных углах и подклетах новых домов, со временем становясь лишь крепче. Неужели молодеют? И обретают юность лишь тогда, когда избы начинают ветшать?»

– Вот-вот до причалов доберутся, богиня, – тревожно зашевелила губами воструха. – Велишь встретить?

– Крест и песья голова? С Двины? – переспросила Макошь. – Не иначе Стрибог с Немизой явились. Братик не любит ходить через зеркала, вольный воздух для него милее дома. Проверь, готовы ли их светелки? Пойду обниму родичей на причале.

И женщина решительно толкнула створку дверей...

Дворец великой богини, хозяйки Вологды и Славянского волока, повелительницы богатств и доходов, сильно отличался от домов обычных славян. Если простые смертные жили целыми поселками в одном или нескольких длинных бревенчатых домах, вовсе без окон и с одним очагом на всех, с земляным полом, застеленным лапником и шкурами, – то хоромы Макоши возвышались на каменной подклети и поднимались аж в три жилья – одно поверх другого. Слюдяные окна были окружены резными наличниками, крышу в два слоя покрывал толстый тес, черный от пропитавшего древесины дегтя; ступени, резные столбы и поручни высокого крыльца отливали желтым блеском от нескольких слоев олифы, закрывавшая стены чешуя остроконечной дранки была крашена в разные цвета и придавала дворцу радостный вид.

Обычные смертные топили дома по-черному, костром в очаге – дворец же обогревался горячим воздухом, идущим по коробам от подклети с большой печью; обычные смертные прятали хлеб, ячмень, овес в тайных глиняных ямах – а у богини все это хранилось в высоких амбарах. Смертные сберегали репу, свеклу, морковь в буртах – на дворе Макоши для всего этого имелся погреб; обычные славяне солили мясо в бочках, вялили и лишь на зиму морозили в корзинах – у богини же был выкопан ледник, сохраняющий продукты свежими в любую жару.

Все сие богатство хранила от опасностей высокая, в четыре человеческих роста, крепостная стена с четырьмя смотровыми башнями, окружающая дворец и все его амбары, мастерские и склады.

Многочисленная дворня богини жила побогаче простых смертных. Составленная из крепких рубленых клетей крепость имела достаточно комнат, чтобы каждая семья могла занять свою светелку. В Вологде только юные слуги да старые девы и одинокие бобыли жили в общей на всех людской, завидуя любящим парам, давшим друг другу клятву верности. Надежная стража, крепкие стены и близость могучих богов даровали безопасность, а обширные погреба и амбары позволяли не знать голода. Посему больше всего на свете обитатели Вологды боялись

прогневать Макошь и быть изгнанными в обычную, бедную и голодную жизнь – и их преданность и услужливость правительнице воистину не знали границ.

– Хорошего дня тебе, богиня! Радости и мудрости, богиня! Здравия тебе и счастья, великая Макошь! – Дворяня, бросая все дела, издалека кланялась своей повелительнице. – Долгие лета!

Хозяйка Вологды – статная и широкобедрая, высокая, белокожая, с толстой русой косой, осыпанная жемчугом и золотыми пластинками, с окрашенными в золото длинными ногтями, – уверенным шагом прошла через двор, миновала распахнутые ворота, спустилась к реке, ступила на причал, набранный из полутеса. И поспела как раз к тому моменту, когда к причальным быкам подвалила огромная – никак не меньше полусотни шагов в длину и двух десятков в ширину – расписная крутобокая ладья. Еще до того, как проворные корабельщики успели сбросить сходни, в воздухе мелькнула неясная тень, в лицо правительницы ударил ветер, и перед Макошью возникла совсем еще юная пара.

Все богини славян пребывали в состоянии вечной молодости, а боги – мужской зрелости. И только Стрибог выбрал для себя безусую юность, представая перед людьми в облике розовощекого кудрявого паренька. Супруга повелителя ветров была ему под стать – тоже курчавая и светловолосая, голубоглазая Немиза выглядела лет на шестнадцать, не более. И кто бы мог подумать, что за минувшие полтора столетия она успела родить мужу аж троих сыновей?

«Трое сыновей и ни единого внука...» – мысленно уточнила Макошь, широко улыбнулась и раскинула руки:

– Рада видеть тебя, брат мой!

– И я соскучился по тебе, сестренка, – обнял богиню юноша. – Надеюсь, мы тебя не очень стесним?

– Ну что вы, какое стеснение... – тихо засмеялась Макошь, отпуская Стрибога и обнимая его жену. – Гостям я всегда рада, да токмо родичи завсегда лишь на самое торжество через зеркало являются, а ночевать через него же домой сбегают. Так что комнаты токмо вам да Трояну надобны. Он тоже с зеркалом не в ладах.

– Да, забавно. – Стрибог издал короткий смешок. – Повелитель времени и пространства никак не научится оное пространство одолевать. И где он ныне?

– В святилище. Возносит молитву сам себе, – ответила богиня и отступила. – Чем удивляешь в сей раз? Сказывай сам, все равно ведь не догадаюсь!

В отличие от прочих сварожичей Стрибог любил путешествия в дальние неведомые края и возвращался неизменно в странных одеждах из неизвестных материалов. Вот и сейчас он был в длинной, очень тонкой и белой рубаше, из-под которой выглядывали заправленные в сапоги штаны, а Немиза – в платье, собранном из тонких алых нитей.

– Рубаха из египетского льна, штаны из кашмирской шерсти, платье же из крапивных нитей, – с удовольствием поведал вечный странник. – В жаркую погоду сии тканые наряды куда приятнее наших кожаных...

Однако поболтать вдоволь хозяйке с гостями не удалось. К причалу подбежала великовозрастная Ласточка, сообщила:

– Шум в светелке зеркальной, богиня!

– Прости, брат, нужно встречать гостей, – виновато развела руками правительница и направила палец на служанку: – Проведи гостей в их покои, Ластва, и останься при них, выполняя все пожелания. Дозволяю тебе повелевать от моего имени, коли в сем возникнет нужда для твоей службы.

– Благодарствую за доверие, богиня, – склонила голову женщина.

Макошь не ответила, торопясь обратно в крепость. Быстро поднявшись по крыльцу, она пробежала через нарядные горницы – и в комнате с троном застала сразу нескольких гостей: тощего огненно-рыжего Хорса с густой и курчавой русой бородкой и низкорослого рыжебо-

родого крепыша Перуна, бреющего голову наголо, могучего Даждбога в выбеленной куртке и штанах, превышающего всех вокруг на голову, а рядом – круглолицего смешливого Коляду, лохматого и седобородого. Жены гостей – пышнотелая Додола и стройная большеглазая Жива, смуглая бледногубая и тонконосая Среча, угрюмая Карна уже успели затеять о чем-то горячий спор, сути которого хозяйка уловить не успела.

– Прошу простить, что с запозданием... – начала было Макошь, но дверь возле трона распахнулась, в комнату ввалился Похвист, белокожий и совершенно седой, с белой бородой, одетый в плотно облегающую грудь кожаную кирасу и толстые штаны из серого войлока.

– Нешто с поля брани? – удивился Перун.

– Насилу волков от Бярмы отогнали, – вздохнул сын Стрибога.

– А чего меня не позвали? – возмутился рыжебородый.

– Кабы знать, что кинутся, всех бы собрал...

И опять распахнулась дверь, впуская остроносого мужчину с черными глазами и ярко-пунцовыми большими губами, чернобородого и черноволосого. Следом скользнула женщина в длинном черном сарафане, очень похожая на спутника, но все черты ее лица были куда тоньше и острее. Тонкие пунцовые губы, узкий подбородок, точеный нос, собранные в косу смолистые кудри. Карачун и Мара, бог зла и богиня смерти.

– Мои поздравления, великая Макошь, – склонил голову Карачун. – Свадьба сына – это важный день для любой матери. А почему я не вижу твоего супруга, премудрого Волоса?

– Он на наволоке, за городом, – ответила хозяйка. – Готовит пир для смертных и развлекает скифских послов. Они, как вы знаете, теплым домам предпочитают походные шатры.

– Тогда и нам туда надобно, – решил Карачун. – Хозяину компанию составить да со стола чего-нибудь сжевать, пока не началось. Пока еще до пира дойдет!

Остальные боги согласно закивали и потянулись к парадным дверям. Макошь собралась было их проводить – но дверь возле трона снова распахнулась. Гости продолжали прибывать. Световид и Триглава, Ситиврат и Дива, Крышень, Зимун, Ярило...

– Мама, где она?! – вбежал через парадные двери выхрастый парень лет семнадцати, кареглазый, веснушчатый, тощий и длинный, еще не успевший нарастить настоящего мужского тела.

– Ты о ком? – с тревогой посмотрела на проход за троном правительница.

– Она жива, я знаю! – Паренек раскрыл кулак, и богиня увидела камушек янтаря с коричневой каплей в серединке. Камушек оборачивали несколько витков тонкой мохнатой нити. – Видишь, он без трещин!

– Амулет любви, – поморщилась Макошь. – Какая досада... Придется найти и отобрать.

– Верни ее, мама!

Женщина опять опасливо глянула на ведущую к зеркалу дверь, схватила сына за руку, увела в соседнюю светелку, толкнула к окну:

– Нешто ты обезумел, Орей?! Ты забыл, что есть бог и сын богов? Половина твоей силы не в крови, сын! Могущество богов набирается из молитв, кои стекаются, как малые ручейки, в наши руки, дабы стать могучим потоком, каковым мы направляем дожди и судьбы, из какового черпаем силу и бессмертие! Ты же бесчестишь смертную девку, как перепивший меда бортник! Кто после этого станет приносить тебе требы? Кто станет тебе молиться?

– Я не бесчестил ее, мама! Мы любим друг друга!

– Еще того хуже! – всплеснула руками женщина. – Ты же бог, Орей! Ты понимаешь это? Ты бог!!! Смертные должны смотреть на тебя, как на великое, непостижимое, недоступное существо! Если ты кувыркаешься с их дочерьми и подругами, если пьешь с ними за одним столом, споришь или советуешься с ними, они начинают принимать тебя за равного. И это все, это смерть! Хуже того, это ничтожество! Смертные перестанут отличать тебя от обычных

деревенских знахарей. А уж про молитвы можешь и вовсе забыть. Ты не имеешь права нисходить до смертных, Орей! Тебе надлежит касаться только равных!

– О нашей любви никто не знает и не узнает никогда, – упрямо набычился парень. – Просто верни ее. Я хочу, чтобы она была рядом.

– Рядом с тобой будет Ящера, дочь праматери скифов Табити, ты забыл? Через час твоя свадьба!

– Я знаю, мама, этот союз очень важен для тебя, для всей нашей земли. – Парень сглотнул, и на лице его выступили капельки пота. – И я не отказываюсь от него, хотя Ящера, сказывают, ужасно уродлива. Но я хочу, чтобы Репа была рядом!

– Еще не успев жениться, ты уже замыслил измену, Орей? – гневно повысила голос Макошь. – И думать о сем забудь! Ты хочешь прогневать Табити, разозлить скифов, пустить прахом все мои старания?! Все, забудь про свою Репку раз и навсегда! Больше ты ее не увидишь! Никогда в жизни! Пора становиться взрослым! Ящера не уродлива, она богиня во втором поколении, и все свое семя ты обязан отдать ей! Пусть ваши дети унаследуют всю вашу силу, и твою, и ее!

– Верни мою любимую, мама, или свадьбы не будет, – тихо и мрачно ответил паренек.

– Забыл, с кем разговариваешь?! – Богиня влепила сыну звонкую пощечину. – Родительской воле перечишь?! С отцом и матерью спорить посмел?! Закрой свой рот, убирайся и одевайся в праздничные одежды! Сегодня в полдень ты породнишь нас со скифами, скрепив союз великих богов! Такова воля батюшки твоего, могучего Волоса, и моя!

– Верни мне Репу, мама, – тихо, но упрямо ответил Орей. – Ты еще успеешь.

Только после этого он развернулся и ушел, громко топая по скрытым коврами доскам пола.

– Что за дети ныне растут? – недовольно покачала головой Макошь. – Одно баловство на уме. Ни о будущем не думают, ни о делах насущных, ни о долге своем пред родом и домом. Пока не рявкнешь хорошенько, ничего делать не хотят!

Она вернулась в тронную палату, поклонилась поджидающим там низкорослому чернобородому толстячку, голубоглазому крылатому псу и стройному мужчине с длинной тонкой бородкой, заплетенной в косицу:

– Рада видеть вас, гости дорогие! И тебя, Чур справедливый, и тебя, Семаргл крылатый, и тебя, Усень добродушный! Прошу всех к наволоку у Сухоны пройти. Там торжество главное ныне случится. – Правительница хлопнула в ладони, кивнула появившейся рядом вострухе: – Передавай мои извинения всем, кто явится позднее, добрая помощница. Похоже, на главное торжество они опоздали.

Богиня поджала губы, раздумывая над чем-то, кивнула и вышла вслед за развернувшей пестрые широкие крылья собакой.

Обширный наволок, раскинувшийся чуть выше по течению, между стенами Вологды и поднимающейся в полуверсте дубравой, каждую весну затапливался половодьем. Когда по колено, а когда и на полную сажень, скрывая человека с головой. Посему здесь никто никогда не строился, и гуляний никаких на вечно сыром лугу не случалось. Разве токмо русалки, как-вым именно вода и требовалась. Скот сюда тоже не выгоняли, дабы грязь копытами не месил, а зеленую траву несколько раз за лето просто скашивали, сметывая в стога для долгой зимы.

Однако здесь, у самого берега, росло несколько высоких и густых раkitовых кустов – прочные и гибкие ветви которых издавна символизировали крепость брачных уз. Когда зашла речь о свадьбе, Волос сразу вспомнил о сем ровном, просторном и чистом месте, никогда не знавшем навоза. Лучшего места для торжества трудно и придумать! А что до сырости – так после двух недель сплошного зноя, вызванного богами, наволок успел не просто просохнуть, но и затвердеть.

И вот теперь луговина была заставлена шатрами, перетянута пологам, перечерчена столами, а один из кустов – перевязан цветными лентами, украшен костяными амулетами, а вокруг него лежали цветастые скифские ковры. И над всем этим витали едкие запахи жареного мяса, ароматы пива и меда, сладость фруктов, кисловатый дух моченых яблок и квашеной капусты.

Мужчины оказались верны себе – нашли общий язык возле бочонка со стоячим медом, зачерпывая из него хмельной напиток и пуская ковши по кругу, не делая разницы между богами и скифскими послами.

Впрочем, степняки и без того мало отличались от властителей лесистого севера: тот же рост, та же белая кожа и большие глаза, те же богатые одеяния и такие же украшения из приклепанных золотых бляшек и нашитых костяных шариков. Разве только подбородки у скифов были бритые да ножи на поясах висели не железные, а бронзовые.

Женщины разбились на несколько кружков, болтая и подъедая с деревянных блюд спелую вишню и привезенную степняками сладкую, как мед, желтую сочную курагу.

Отсутствовал на торжестве только главный его герой – младший сын Волоса и Макоши Орей.

Богиня медленно пошла между столами, обдумывая возможные способы привести сына в чувство, но тут среди гостей пронесся шепоток, хозяйка оглянулась и облегченно перевела дух: ее сын в сопровождении двух столь же молодых, как он сам, слуг вышел из ворот. Замшевая куртка жениха была украшена скупой, но изящно: тремя линиями золотых клепок поперек груди. Пояс светился янтарными накладками, на штанах висели кисточки из соболиной шерсти, на синих сапогах вышиты руны с защитными заклинаниями.

«А он красив!» – с гордостью подумала Макошь и повернула голову к мужчинам.

Впрочем, муж и без нее понял, что настала пора начинать торжество, сказал что-то скифам. Послы бросили ковш в почти уже опустевший бочонок, ушли в центральный шатер. Волос же направился к украшенному раковинному кусту. Здесь супруги встретились, взялись за руки.

Степные послы торжественно вышли из шатра – старший из них нес в сложенных ладонях небольшой огонек. Опустившись на колени перед заготовленной кучей хвороста, скиф зажег от спрятанной в руках лампы нижние ветви, и пламя с громким хрустом стало разбегаться во все стороны, быстро обращаясь в ревущий огненный столб, дохнувший жаром далеко в стороны.

Орей наконец-то добрался до родителей.

– Молодец, сынок, – похвалил его Волос, взял за плечи и поставил перед собой.

– Где она, мама? – через плечо оглянулся на Макошь паренек.

– Жаждешь испытать силу моего гнева?! – скрипнула зубами богиня. – Молчи и делай, что положено!

– Я хочу ее видеть!

– Заткни свой рот, щенок! – сжала кулак правительница. – Токмо попробуй послушаться! Изведу!

– Вы о чем? – удивился Волос, но ни жена, ни сын ему не ответили.

Между тем пламя костра внезапно обрело формы человеческого тела, мелко задрожало и выпустило из себя женщину в длинном платье с очень широкой юбкой. Правильные черты чуть продолговатого лица, зеленые глаза, высокий золотой кокошник с самоцветами на прямых волосах соломенного цвета... Все бы ничего – вот только из-под просторной юбки то и дело выглядывали глазастые головы крупных гадюк, что несли на себе тело праматери всех скифов.

С собою, обнимая, Табити вывела из огня невысокую девушку лет пятнадцати. Несчастная приволакивала кривые ноги, загнутые ступнями внутрь, лицо ее покрывало множество темных пятнышек, подозрительно смахивающих на чешуйки. Похоже, что слухи о «красоте» Ящеры, дочери богини Табити, истину ничуть не преувеличивали. Но как бы то ни было – она являлась богиней, мало уступающей матери в своей силе.

Скифы, все как один, опустили на колени и склонили головы.

– Мир и богатство дому сему! – произнесла праматерь воинственных степняков. – Пусть будут покойны его ночи и обильны чресла его обитателей!

– Мира и мудрости тебе, великая богиня Табити! – ответствовали ей Волос и Макошь. – Благодарим тебя за добрые слова и щедрые пожелания, да воплотятся они в жизни нашей. Какой добрый случай привел тебя к нашему порогу?

– Хожу с сокровищем великим, добрые хозяева. Ищу ему приюта, прочной крыши и горячего очага, ибо мне богатства сего уже не удержать, самой не приумножить.

– Есть у нас и сторож добрый, великая богиня, и крыша крепкая, и очаг горячий, – ответил скотий бог. – Да токмо разве сокровище не в амбаре прячут, не в сундуках хранят, не в погребах укрывают?

– Истинное сокровище не в темноте страж мудрый держит, а всего себя ему посвящает, губами своими греет, лаской ладоней тешит, дыханием нежит и за то радость великую имеет и прибыток таковой, что златом и стадами измерить не получится.

– Найдется у нас страж zelo старательный для сокровища такого, – пообещала гостье Макошь. – Глаз ни на миг не отведет, из объятий ни на миг не потеряет. Днем налюбуется, ночью согреет. Отдай свое богатство нашему сторожу, он его приумножит!

– Посулы сии заманчивы, да есть ли в них правда? Покажите нам стража сего! Может, сокровище и согласится...

– Стражу сему Орей имя. – Волос положил ладонь на плечо сына и чуть подтолкнул его вперед. – Он готов ценность великую холить и беречь.

– Экий славный воин сторож Орей, – улыбнулась одними губами змееногая Табити. – Пойдешь ли ты в его сокровищницу, драгоценная моя Ящера?

– Пойду, матушка, – проковыляла на два шага ближе к пареньку невеста.

– А ты, сын мой Орей, примешь ли столь великий дар от гостьи нашей, великой Табити? – спросил Волос.

Паренек снова глянул на Макошь, одними губами спросил:

– Где она?

Богиня богатства в ответ сделала большие глаза, стиснула зубы и кивнула на гостей.

Орей оскалился, повернулся к женщинам и решительно мотнул головой:

– Нет, отец, не приму! Пусть обратно свое чудовище забирает!

Над наволоком повисла гнетущая тишина.

– Мама? – жалобно выдохнула юная девушка, обернувшись к родительнице.

– А-а-а-а!!! – утробно взревела Табити, вытянула руку, и глаза ее сверкнули. Послышался треск, появился сухой запах, словно от близко выбитого половика. Взметнулся вверх подол, выпуская змей, богиня подхватила дочку и стремительно скользнула обратно во все еще пляшущее пламя костра.

Далеко не сразу собравшиеся поняли, что именно произошло, пока кто-то не выкрикнул:

– Она убила Орея!

Несостоявшийся жених, стоявший между родителями и костром, больше не был ни богом, ни человеком. Он обратился в единый монолит из серого, с красными прожилками, гранита.

– Бей скифов! – Над наволоком моментально сгустились тучи, ударили порывы ветра, закружились упругие вихри, разбрасывая столы, пологи и угощение. Сварожичи выхватили ножи. Скифы, сбившись спина к спине, обнажили свои.

– Остановитесь все! – громогласно потребовала Макошь. – Я не допущу убийства гостей в моем доме!

– Но наш сын?! – возмутился Волос.

– Наш сын взбунтовался против родительской воли и понес наказание, – ответила богиня. – Теперь надобно исправлять то, что он натворил...

Правительница сжала и разжала кулаки, глубоко вдохнула и сделала пару шагов в сторону все еще готовых к схватке послов:

– Передайте богине Табити, скифы, что я не стану искать мести за смерть моего сына. Передайте ей мое сожаление.

– Твой сын жив, Макошь, – ответил один из степняков. – Великая праматерь способна вернуть камню жизнь так же легко, как легко обращает жизнь в камень. Но забыть столь вероломное оскорбление Табити не сможет. Готовьтесь к большой войне, дети великого Сварога.

– Мы надеемся на ее мудрость и не начнем первыми, – ответила Макошь и хлопнула в ладоши: – Проводите послов к Шексне и дайте им хорошие лодки! Пусть плывут по Итилю до своего дома.

Затем повернулась к каменному истукану, посмотрела в его холодные неподвижные глаза и вздохнула:

– Прошу всех в пиршественную палату, братья мои и племянники, сестры родные и двоюродные. Пировать нам ноне не с чего, но побеседовать надобно.

Просторное помещение, в котором правители Вологды устраивали пиры и торжества, находилось на самом верху дворца, на третьем жиле. Роскошные девятистолпные хоромы – девять стоящих в три ряда резных столбов поддерживали толстые, двухохватные дубовые балки, на которые, в свою очередь, опиралась кровля. Тут без труда могло пировать не менее трех сотен гостей, и потому полсотни богов разместились без особого труда, устроившись за уставленными яствами столами. Но к угощению никто не притронулся – настроение не позволяло.

На правах хозяев во главе стола сели седовласый, широкоплечий Волос с курчавой русой бородой, ниспадающей на украшенную золотыми пластинами куртку, и Макошь, скинувшая прямо на пол кокошник и в знак траура оставшаяся простоволосой.

– Говорить я стану, родичи, не о сыне своем заблудшем, а о беде, что пришла на наши земли из-за его неповиновения, – сглотнув, негромко начала свою речь богиня богатства. – Все вы знаете, что появился у народа лесного вождь новый, именем Любый. И под рукою сего вождя лешаки никчемные силу внезапную обрели, на все порубежье наше нагло напирая. Битв и славы они не ищут, посевы лишь травят да стада режут. Правнуки наши, смертные славяне, из-за того бросают селения свои и святилища и уходят в места спокойные. Иные же и вовсе с Любым уговариваются и требы духам лесным приносить начинают, а наши камни священные топят, святилища чужим идолам посвящают, церкви сварожские жгут. Из-за напасти сей за два года минувших мы не одну сотню храмов своих потеряли, из земель по берегам Печоры изгнаны вовсе, ныне верховья Камы теряем, к Двине лесовики подбираются, Бьярму обкладывают, у Каргополя появляются. Еще немного, и Заволочье все отберут, токмо Итиль да Онегу нам оставив. Да и то – надолго ли?

– Собраться надобно мужам всем великим, смертных вооружить и поход супротив лесовиков сих затеять! – громко перебил ее рыжебородый крепыш. – Вдарить разом хорошенько да и извести под корень!

Воинственный бог с такой силой ударил по столу, что все блюда на нем подпрыгнули, а бочонок упал набок.

– Пробовали, Перун, и не раз, – вздохнул Волос. – Да походы сии в пустоту проваливаются. Нет у лесовиков лосей и повозок и дорог, для них проложенных, нет ладей и причалов. Как в чаще лесной нетронутой селения их для разорения найти? То наши деревни завсегда на берегах выстроены да поля кругом возделаны; издалече заметны, и подступы удобные имеются. В землях же лесовиков лес везде нетронутый стоит, и все. Где там ворог, где города и столица? Поди угадай!

– Остроги надобно ставить, подходы к нашим землям закрывать!

– И это пробовали, – кивнул правитель Вологды. – Да токмо для сотен больших крепостей славян ратных нам не напасть, малые же крепостицы лесовики разоряют с легкостью. Перед самой свадьбой беженцы Горчаковы в Вологду приплыли. Все, Перун, нет больше в Ембе нашей власти, захватили волки острог! Теперича по реке двинутся и деревни беззащитные окрест тоже приберут.

– Мы же боги, братья! – вскинул руки Перун. – Нешто не можем смертным своим подмогу в нужный час оказать?!

– Мы не можем поставить по большому зеркалу в каждый город и каждую деревню, дабы переместиться в них в тревожный миг, – покачала головой Макошь. – Где их взять столько, откуда? На серебряное полированное полпула металла на каждое уходит, обсидиановые же и вовсе по кусочкам приходится собирать. Мыслью, у каждого из нас таковых два или три всего имеется, не более. В Бьярме и Каргополе зеркала стоят, от них мы лесовиков отогнали. А в каждый острог таковую ценность поместить невозможно.

– Скифы тоже не дремлют, – теребя бороду-косичку, добавил скуластый Усень. – Они издавна мечтают до наших полей и крепостей с полными амбарами добраться. Коли заберете оружных смертных на восток с лесовиками биться, то, считай, все южные земли и города своими руками богине Табити подарите.

– Именно потому мы так стремились со степняками союз брачный заключить, племянник, – ответил ему Волос. – Несколько лет мира на порубежье южном нам ныне как воздух нужны! Кабы богиня Табити нам по-родственному еще и воинов своих дала для усмирения лесовиков, тогда бы и вовсе все на прежний порядок обернулось. Мы бы и святилища потерянные вернули, и земли, и Любого самого отловили да в клетке у ворот на потеху горожан выставили.

– Токмо теперь заместо помощи от степняков у нас с ними война со дня на день начнется! – с силой дернул себя за бороду Усень.

– Видать, приходят деньки последние корню Сварогову-у, – заунывно потянула смуглолицая Карма. – Пожили мы на земле срок предначертанный, пора и в землю-матушку возвращаться, храмы свои богам новым отдавать...

Недаром эту извечно мрачную, ждущую неприятностей богиню почитали как покровительницу похоронных плачей. Что, впрочем, делало Карму одной из сильнейших сестер в роду. Ведь с каждой похорон она получала свою долю молитв, а с ними – и силу для чародейства.

– Хватит спорить! – внезапно перебила родственников сидящая слева от Макоши Триглава, богиня земли. Одна из древнейших в роду сварожичей, она уже давно оставалась самой почитаемой смертными и потому самой могучей властительницей. Эта крупнотелая богиня даже позволила себе пустить в волосы немного седины, доказывающей ее мудрость и старшинство. – Я полагаю, сестра моя зачала сию беседу не для того, чтобы пожалиться нам на лесные бесчинства. Макошь умна и многоопытна и даже в сем тяжелом положении, несомненно, успела найти спасительный замысел. Ведь так, сестра?

Триглава повернула к хозяйке седую голову, украшенную только полукруглым гребнем с россыпью самоцветов. Остальные сварожичи примолкли.

– Квасур! – нашла глазами одного из гостей хозяйка Вологды. – Повтори родичам нашим, о чем мне минувшей весною сказывал.

Щекастый и рыхлоносый толстяк, покровитель бортников и медовых напитков, поднялся, прокашлялся в кулак:

– Стало быть, три года тому казус у нас забавный приключился. Пришел ко мне в Москву зело странный муж, в одеяниях непривычных, на странном наречии речи ведущий и с повадками смешными. По крови – явный чужак, не сварожич. Лесовик лесовиком. Назвался же он потомком нашим далеким, из времен, что спустя сто поколений токмо наступят. От меня же

помощи в чародейской мудрости запросил. Не без дара сей путник случился, не без этого. Но не наш.

Я, знамо, его за шутку сию бесстыжую выпороть повелел да прогнать пинками за ворота. Сим глупость случившаяся и кончилась... – Квасур погладил окладистую, любовно вычесанную бороду, украшенную лишь одиноким цветком василька. – Однако же в памяти моей столь странный гость отложился, и когда беглые смертные, Любым с Печоры согнанные, у Москвы оседать начали и главного из лесовиков проклинать, то, по описанию, уж очень он на чужака, мною поротого, похож оказался...

– На Любого-лесовика все мы и гадали, и ворожили, судьбу его искали, – перебила богабортника Макошь, – однако же нет в сем мире его следов. Либо прячется хорошо, колдовства остерегаясь, либо и вправду не из земель иных он к нам заявился, а из времен чужих и далеких. Возможно ли сие, Троян?

Худощавый и безбородый, с широко раскрытыми глазами, придающими круглому лицу малость испуганный вид, рыжий и курчавый бог пространства и времени запустил пятерню себе в прическу, почесал голову.

– Ну-у, как бы... Кабы не имелось времен иных в виде сложившемся, как бы ворожкой своей мы прошлое и будущее поверять могли? Коли смотрим в годы иные, словно на двор через калитку, стало быть, существует он, сей двор-то иновременный. А коли есть, то почему бы из него к нам не перебраться? Ворота, понятно, в другие годы забиты накрепко, ну так ведь при нужде особой и через тын завсегда перелезть возможно...

– Меня, родичи, замысел сей безумный с самой весны мучает, – призналась Макошь. – Однако же, покуда оставалась надежда на союз со скифами, я его от себя отгоняла. Коли на ворога управа простая и надежная имеется, к чему безумствам предаваться? Ныне же сложилось так, что ворогов у нас стало вдвое более, а союзники пропали начисто. И потому хочу совета испросить у вас, родичи. Как вы приговорите, так и поступим... Коли один пришелец из времен грядущих смог таково лесовиков изменить и силы их приумножить, что, еще недавно гонимые, они теснить нас стали во всех местах и реках, то, может статься, пятеро потомков наших, корня Сварогова, впятеро сильнее лесовика окажутся и помогут нам и волков обратно в чащи загнать, и богиню Табити в войне неминуемой одолеть?

Хозяйка Вологды оглядела гостей внимательным взглядом.

– Смогут, не смогут, а отчего бы и не попытаться? – громко согласился Стрибог. – От сего чародейства дела наши всяко хуже не окажутся. Токмо средь потомков надобно не абы кого, а самых лучших, самых родовитых и чистокровных отобрать! Тогда, глядишь, с бедой и управимся.

– Попытка не пытка, – пожал плечами Даждбог. – Хуже нам всяко не станет, то брат верно заметил.

– Три тысячи лет? – Усень протянул бороду-косичку между ладоней. – Просто глянуть, каковы наши дети через сто поколений станут, и то любопытно. Но сможешь ли ты сотворить сие, Троян?

– Все мы из зеркала в зеркало переходить способны... Разница же меж верстами и годами токмо лишь в дальности пути, – пожал плечами бог времени и пространства. – Я так мыслю, зеркала у потомков наших имеются. А значит, коли силу крепкую приложить, можно из наших зеркал в зеркала потомков и заглянуть, и дотянуться, и посланника туда отправить. Коли заклинание верное составить, в Москву поехать и обряд там правильно провести, то может и получиться.

– Почему в Москву? – не понял Волос. – Отчего не здесь, в центре мира?

– Коли чужак в Москву явился, дядюшка, вестимо, причина была тому, – опять запустил пятерню в прическу Троян. – Зачем через неведомые места новый путь торить, коли тропинка хоженная уже имеется?

– И то верно, – осклабился Квачун. – Я уж и встречу, и привечу, и обогрею, и попарю, и напою...

– Вот токмо как чистоту крови понять, сего не ведаю, – покачал головой Троян. – Путь через времена сотворить сумею, на то моей власти хватит, особливо коли кто-то из вас силой со мной поделится. Но вот как выбрать и забрать... Тут разума моего не хватает.

– Ты не один, племяш! – захохотав, хлопнул его по плечу рыжебородый Перун. – Поможем, присоветуем, гонца снарядим, за ноги подержим. Не бойсь, родичи не бросят.

– Заклинание на чистоту крови я составлю, – спокойно сообщила Триглава. – Но как его доставить?

– С птицею послать, сестра! – пугающе человеческим голосом промолвил Семаргл. – Соколы небесные зорки и стремительны, за день половину мира осматрят. Надобно послать через зеркало заговоренного кречета. Пусть летает, ищет, выбирает.

– Наложить чары озерной петли, – добавил Волос. – На кого та птица посмотрит, того чары к нам и утянут.

Выслушав всех, Макошь поднялась, оперлась ладонями на стол и твердо подвела итог семейному разговору:

– Троян! Ныне же ты пробьешь в Москве ход на сто поколений вперед. Мы запустим в него сокола, который заклинанием Триглавы найдет пять самых сильных, чистых и родовитых сварожичей из будущего мира и накинёт на них чары озерной петли. Мой муж перенесет потомков сюда и... И мы посмотрим, на какую пользу они способны!

Любящий сын

Кривая татарская сабля с шелестом резанула воздух и звонко цокнула по макушке похожего на огромный стальной желудь скандинавского шлема, соскользнув в сторону. Викинг вскинул щит выше, длинным выпадом достал тело степняка чуть ниже ребер, однако меч на излете не пробил толстую стеганку, лишь слегка разодрал ткань. Противники чуть разошлись и хищно закружили вокруг друг друга – татарин в плоской мисюрке с кольчужной бармицей, в цветастой, бело-красно-синей ватной куртке, похожей на лоскутное одеяло, в толстых суконных шароварах, заправленных в высокие сапоги, с круглым щитом и кривой саблей, – и высокий, плечистый и поджарый викинг в шлеме с посеребренной личиной, хищно шелестящей кольчуге, опоясанный широким кожаным ремнем, и грубо кроенных штанах сыромятной кожи, уходящих в короткие поршни, обвязанные тонкими ремешками наподобие сандалий. Щит скандинава, понятно, тоже был круглый, а меч прямой и широкий, полтора локтя в длину.

– Иншал-л-а-а-а!!! – Степняк кинулся вперед, ударил окантовкой щита, тут же дважды уколол саблей, метаясь острием в грудь. Викинг свой щит вскинул, прикрываясь от сабли, принял выпад на лезвие, позволив окантовке скользнуть до перекрестья рукояти, поднял вверх, тут же рубанул врага понизу, по открывшемуся животу. Татарин с криком отпрянул, закрылся, торопливо полоснул воздух перед собой клинком – но остановить этим викинга не смог. Северянин подставил под удары щит, напирая с торжествующим криком, пнул вражеский деревянный диск в нижний край, уколол поверху, еще и еще раз.

Татарин, пригибаясь, отбежал, крутанулся, пытаясь встать в боевую позицию. И тут вдруг у северянина с легким позвякиванием завибрировала кольчуга, громко запела:

– Иду! Курю. Иду! Курю...

Викинг от неожиданности опустил взгляд – степняк тут же в длинном прямом выпаде уколол его в грудь, сделал шаг вперед, вскинул клинок выше, к шее северянина, и резанул его по горлу...

– Стоп, поединок закончен! – хлопнул в ладони священник в длинном сером балахоне из грубой мешковины, опоясанный простой веревкой с несколькими мешочками на ней. – Чистая победа булгарина!

– Й-ес-с! – Татарин торжествующе вскинул клинок, покрутился перед аплодирующей публикой, спрятал саблю в ножны и направился к викингу, протягивая руку с раскрытой ладонью.

– Пошел ты на хрен, басурманин криворукий! – зло сплюнул ему под ноги северянин. – Просто повезло с этим чертовым телефоном...

Викинг грубо отпихнул победителя кулаком с зажатым в нем мечом и широко зашагал в сторону полотняных палаток, на ходу убирая меч. Расстегнул шлем, снял, кинул на циновку перед одной из палаток. Расстегнул ремень, кинул следом, стащил через голову кольчугу, расстегнул карман надетой под нее косухи, достал смартфон, посмотрел на экран. Вдохнул, нажал вызов, поднес к уху:

– Да, мама. Ты звонила? – С той стороны послышалось жалобное всхлипывание, и викинг встревожился: – Мама, что случилось?! Мама, ты в порядке? Мама, мне приехать? Мама, скажи хоть слово, я ничего не понимаю!

– Вик... Викентий... Меня... Обвесили... – между всхлипываниями наконец призналась трубка. – На целый... килограмм...

– Кто?! Где?! – закрутился на месте викинг.

– В лавке... У дома... Деньги взяли... Смотрю, а бананов нет...

– Может, положить забыли?

– Я ходила... – Трубка снова всхлипнула. – Говорят, забрала. Но я ведь вижу! Сумка-то одна! Я же из ума еще не выжила! Совсем уже за дуру старую держат...

– Мам, мама... Мамочка... – Викентий опять крутанулся на пятках, наклонился над шлемом: – Мама, я завтра приеду и все решу. Хорошо? Успокойся пожалуйста. Они все вернут и извинятся. Я тебе обещаю! Успокойся, мамуль... Чаю с шиповником выпей, ты же любишь. Телевизор посмотри. Ничего не делай. Я приеду и разберусь, хорошо? Слышишь, мама? Ты поняла? Просто посиди, чаю попей. Успокойся. Я разберусь. Ладно?

– Хорошо, Вик... – между всхлипами согласилась женщина. – Посижу.

– Я люблю тебя, мам! Скоро вернусь.

Викентий отключил телефон и выпрямился. В задумчивости поворошил коротко стриженные темные волосы.

В проигравшем дуэль викинге было под два метра роста, плечи и высокая грудь распирала клепаную куртку-косуху. Глаза под густыми черными бровями сияли пронзительной синевой, на породистом носу глубокий отпечаток от маски шлема – посеребренной «личины». Бородой и усами молодой человек еще не обзавелся, однако густой пушок на его подбородке и вокруг рта уже начал темнеть.

– Ту-ду-ду-ду-ду-у-у... – протяжно пропел он. Не расстегивая, через голову содрал с себя косуху, оставшись в полотняной рубахе с длинным разрезом на груди, стянутом завязками. Куртку Викентий бросил в палатку, достал оттуда увесистую матерчатую сумку. Тяжело вздохнул и отправился через лагерь реконструкторов к единственной среди серых и белых палаток разных типов и конструкций юрте. Остановился на брошенной перед входом пожухлой траве. Громко произнес: – Тук-тук-тук! Хозяин дома?

– Чего надо? – хмуро отозвались изнутри.

– Извиниться хочу, Иншала! Выходи, мириться буду.

– Я не сержусь, Один! Иди с богом.

– Выходи, раз не сердишься! Чего через дверь разговариваешь?

– Устал, отдыхаю.

– Понятно... – Викинг разжал пальцы, роняя тяжело звякнувшую сумку, привалился спиной к стойке рядом с пологом юрты. – Иншала, ты же сам знаешь, что это такое! Горячка боя, злость, адреналин. Я же не робот с выключателем, чтобы по хлопку азарт и ярость исчезали. Ну, не смог сразу в руки себя взять. Ну нахамил сгоряча. Признаю, был неправ, Иншала! Честно прошу прощения. Выходи, дружище! Хорош дуться, ты же не девчонка-недотрога! Давай вылазь. Пожмем друг другу руки, выпьем пива, у костра вместе посидим.

– Мне нельзя пиво, Один. Я же басурманин, мне Аллах не велит.

– Ну это вовсе гнилая отмаза, Иншала! – От возмущения Викентий даже передернул плечами. – В Коране про пиво ничего не сказано! Только про вино!

– Давно ты стал толкователем Корана, морской разбойник?

– Да ты мне сам рассказывал, Иншала, что под крышей даже вино пить можно! Под крышей Аллах не видит! Хорош, татарин, вылазь! Настоящий мужик должен уметь две вещи: драться в кровь при каждой возможности и честно мириться после драки. Если бы воины не умели мириться, человечество уже давно бы вымерло, потому как мы резали бы друг друга без конца и края. Вылезай, Иншала, мужик ты или нет?

– На слабо берешь, скандинавский голодренец? – Полог откинулся, и наружу вышел недавний боец, но одетый теперь в длинный ватный халат, обшитый сверху глянцевым шелком с изящным рисунком, изображающим пляшущих журавлей, и в чалме с огромным изумрудом в золотой оправе на лбу. Правда, позолота в нескольких местах стерлась, выдавая дюралевое нутро украшения. Да и драгоценность, несмотря на огранку, подозрительно походила на цветное стекло. Вместо сабли воина опоясывал широкий кушак с торчащим из него ятаганом.

– На древний обычай, татарин! Каждая хорошая драка всегда должна заканчиваться дружной пьянкой! – Викинг сунул руку в сумку и достал две бутылки пива.

– А каждая пьянка хорошей дракой, – усмехнувшись, отер указательным пальцем узкие усики степняк и потянул ятаган из ножен.

– По совести, конечно, я сам виноват, – признал Викентий. – Отвлекаться в схватке нельзя. Телефон – не телефон, вовремя – не вовремя, а будь у тебя настоящий клинок с правильной заточкой, валялся бы я сейчас под кустом дохлой тушкой, и хрен бы было кому рассуждать о честности. В настоящем бою честность одна: кто победил – тот и прав.

– По совести, ты меня тоже несколько раз хорошо достал. – Татарин сбил ятаганом пробки с бутылок, убрал клинок, взял одну из бутылок. – Если бы у тебя не меч был, а топорик или палица, хрен бы я после попадания в голову смог бы дальше с сабелькой прыгать...

Они чокнулись бутылками, сделали по глотку.

– Кто бы спорил, – согласно кивнул викинг. – Мечи, сабли, шашки – это ведь оружие скорее ритуальное, чем боевое. Оно только голых и бездоспешных противников рубить годится. А достаточно человеку хотя бы ватник надеть, и уже хрен, так просто до его шкурки клинком не достанешь. Тут уже топорик нужен. Или палица.

– Ты не совсем прав, Один, – покачал головой татарин, в несколько больших глотков одолел половину бутылки, вскинул ее чуть выше. – Во время ритуалов воинских символом власти у нас что является? Разве меч? Али топор? Да вот хрен там, дружище! Скипетр, булава, маршальский жезл! А все это суть палица и есть. Шестопер, боевой молот, моргенштерн.

– Положим, моргенштерн – это уже кистень! – вскинул палец викинг. – Ну, или цеп. Это уж кому как нравится.

– Суть-то от этого не меняется, – развел руками татарин. – Настоящее оружие должно быть ударно-дробящим. Что кистень, что шестопер, что топорик, коли они в цель попадают, то будь ты хоть в кольчуге, хоть в кирасе, хоть в ватнике, все равно тебе кранты. До конца боя ты выбываешь. И хорошо, если не до конца жизни. А мечи и сабли – это так, баловство... Старого друга на турнире безопасно погладить, собственное эго потешить, перед соседями игрушкой дорогой похвастаться да бродяг в лохмотьях по дороге со скуки рубить, как принято у самураев...

Иншала запнулся, с удивлением глядя на вдруг опустевшую бутылку. Его гость допил свою и жестом фокусника достал из сумки еще две.

– Что мы тут мнемся, как чужие? – спохватился татарин. – Пошли к костру. Жена брынзу в кляре нажарила, к пиву самое то! Но смотри у меня, опять начнешь ее формы хвалить, точно в глаз получишь!

– Хорошая пьянка должна заканчиваться хорошей дракой! – расхохотался Один. – Иначе какой в них смысл?

– Посидеть, поговорить, почитать стихи, обсудить мудрость Востока и красоту женщин, – развел руками татарин.

– Жеманство все это, Иншала! – презрительно фыркнул викинг. – Мужчина должен думать об оружии и мечтать о битвах! Все остальное – блажь, туфта и провокация!

– А женщины?

– Женщины – это добыча! Их нужно просто брать при каждой возможности! У поверженных врагов!

Иншала пнул северянина в плечо, опасливо глянул на хлопчущую возле костра стройную большеглазую девушку в атласных шароварах и короткой войлочной жилетке, pokrutil пальцем у виска и громко вернулся к прежней теме:

– Как же все-таки правильно, что в реконструкторских сражениях запрещены топоры, кистени и палицы! Если бы не это, у нас после каждого слета половину участников «Скорая» с переломами увозила бы.

– А другую половину – сразу катафалки! – радостно подхватил викинг. – Ты даже не представляешь, дружище, как я мечтаю подраться в настоящей схватке с шестопером в руке! Ты видел, каких красавцев ковали наши предки? Это же просто настоящие цветы любви! Перышко к перышку, узорчатые, легкие, быстрые...

– Один заговорил о цветах? – повернулась на звук голоса склонившаяся у котелка татарка, с улыбкой вскинула тонкие серые брови. – Он заболел? У него грипп или клаустрофобия?

– Не беспокойся, Асия, – обнял и поцеловал жену Иншала, – эти его цветочки пригодны только ребра ломать. Наш гость здоров. Принеси, пожалуйста, закуску.

– Мое почтение, прекраснейшая из женщин! – приложив руку к груди, поклонился Викентий хозяйке. – Могу я предложить бутылочку пива обладательнице столь пронзительных глаз, алых губ и точеных ушей?

– Я думала, Один, ты способен любоваться только тем, что калечит и убивает... – зарделась от неожиданного комплимента Асия.

– Все правильно, – кивнул викинг. – Именно ради таких женщин калечат и убивают соперников чаще всего! И пусть хоть кто-то здесь посмеет поспорить, что ты прекрасней всех! Я порву его на куски!

– Один, вообще-то это моя жена, а не твоя, – напомнил татарин, похлопав друга-соперника по плечу.

– Так это здорово! Значит, мы будем драться на одной стороне! Глядишь, и мне какую-нибудь кралю отбить удастся!

– Если ты сейчас устроишь драку, мы не успеем на награждение, – предупредил Иншала.

– Прости, совсем забыл, – поморщился Викентий. – Ты же сегодня победун! Тебя награждать будут... Тогда по пивку? Ты был молодцом. Со звоном тебе повезло, но удача приходит к сильным...

Мужчины открыли еще по бутылке, сели на мешковину, глядя на бодро приплясывающий под котелком огонь.

– Надо бы нам возродить турниры за любовь прекрасных дам, – почти спокойным голосом произнес викинг. – Ведь отличный был обычай!

– Ага! И чтобы дама доставалась победителю? Вот это видел? – татарин сложил фигу.

– Я же про Асию даже не намекал! – возмутился Викентий.

– Если я стану драться за кого-то другого, меня убьет Асия, – резонно предположил Иншала. – Если за нее, то мне придется убить всех остальных... Не-е, глупая затея. Лучше сражаться за платок.

– Какая разница, за что? – пожал плечами Один. – Главное, чтоб было весело.

От юрты подошла Асия, поставила между мужчин большую пиалу с кубиками, покрытыми коричневой обжаркой, и тихо предупредила:

– Только не увлекайтесь, мальчики. Завтра за руль.

* * *

Овощной ларек притулился под стеной большого супермаркета. Казалось бы – откуда взяться тут покупателям, если рядом есть все что угодно и вдобавок заметно дешевле? Однако очень многие люди предпочитали закупаться именно в этой лавочке. Причем даже заворачивали в нее уже после супермаркета. Ведь купленные здесь продукты почему-то всегда оказывались и свежее, и вкуснее, и ароматнее «пластиковых» магазинных.

Викентий, одетый во все ту же косуху, что и на фестивале, в те же штаны, и только поршни поменявший на кроссовки, вошел в нее спокойно. Постоял у витрины, дожидаясь, пока закупится и выйдет за дверь пожилая женщина.

– Чего желаете, молодой человек? – поинтересовалась дородная продавщица в клеенчатом фартуке поверх синего халата, вытирая руки полотенцем.

– Хочу знать, кто здесь позавчера работал?

– Ну я, – хмыкнула дама и поправила явно крашенные редкие волосы, поверх которых красовался криво завязанный платок.

– Значит, это вы обсчитали человека на килограмм бананов?

– Не было такого! – истошно взвизгнула продавщица. – Кукиш тебе, а не деньги! Ходит тут алкотня поганая, на водку шибает! Пошел вон, пока полицию не вызвала...

Увидев, как тетка достает из кармана телефон, Викентий ударом ноги выбил дверцу, отгораживающую помещение от пространства за прилавком, шагнул туда, перехватил руку, крепко сжал удерживающие телефон пальцы.

– Помогите-е-е!!! Грабят-я!!!

– Эй, тебе чего тут... – В лавку заскочил какой-то плохо бритый парень в джинсах и футболке. Викентий метнулся навстречу, подбил вытянутую руку, правой поймал его за горло и что есть силы впечатал в стену – ларек аж загудел, словно большой барабан.

– Это ты тут позавчера работал, мальчик? – ласково спросил его недавний викинг.

– Не-ет... – прохрипел парень, лицо которого стремительно наливалось краской.

– Тогда чего скачешь? Пошел вон! – Викентий отпустил жертву, развернулся к продавщице.

У дамы округлились глаза. Она чуть присела и тихонько, на одной ноте, завывала.

– Не истери, я женщин не бью. – Молодой человек поднял с пола телефон и протянул собеседнице. – Зови хозяина. С ним разберусь.

Дама часто-часто закивала, что-то нажала, вскинула трубку к уху:

– Самуил... Приезжай, срочно... Здесь покупатель... Жалуется...

– Молодчина, – кивнул Викентий, осторожно вынул у нее из пальцев телефон, положил на прилавок и отступил: – Можешь работать, я тебе мешать не стану.

– Ты мне пальцы сломал, сволочь! – чуть осмелела дама.

– Обманывать покупателей – плохая привычка, – покачал головой Викентий. – В следующий раз руки сломаю. Веришь?

Продавщица предпочла не отвечать.

Хозяин примчался минут через десять и оказался крепеньким армянином ростом Викентию по плечо, голова его была совершенно седой и коротко стриженной – и борода, и усы, и волосы торчали одинаковым крепким бобриком. Одет мужчина был в чуть великоватый джинсовый костюм, и мозолистые крупные ладони выглядывали из длинных рукавов всего до локтей. Быстрыми короткими взглядами мужчина оценил обстановку, тяжело вздохнул, заметив отставленную к стене выломанную дверь.

– Позавчера в этом магазине очень хорошую женщину обманули на килограмм бананов, Самуил, – чуть выждав, произнес Викентий. – Ты ведь здесь хозяин, правильно?

– Зина женщина честная, она обманывать не станет! – мотнул головой армянин.

– Мы же не станем втаскивать баб в мужские разборки, Самуил? – склонил голову набок реконструктор. – Ты хозяин этого магазина. Позавчера здесь обвесили человека на килограмм бананов. Человек обижается. Нужно отвезти ему недостачу и принести извинения. Вот, я записал телефон и адрес.

Викентий достал из кармана косухи сложенную вчетверо бумажку и протянул армянину. Широко улыбнулся:

– Надеюсь, ты понимаешь, почему я не скрываю никаких контактов, Самуил? Если вдруг, боже упаси, пострадавшей станут поступать какие-то угрозы или у нее случатся странные неприятности, я буду знать, кто во всем этом виноват. Полагаю, Самуил, сегодня с этим недоумением все благополучно разрешится. Удачи!

Реконструктор похлопал армянина по плечу и вышел из лавки. От стоящей напротив машины в его сторону развернулась тройца мужчин кавказской наружности, в одном из которых Викентий узнал уже помятого парня, рассмеялся и направился к ним:

– Ребята, есть какие-то вопросы?

– Стоим, разговариваем, – развел руками крайний мужчина. – Тебе что за дело?

– Да так, гуляю, – разочарованно вздохнул недавний викинг, развернулся на пятках и зашагал на парковку супермаркета, на ходу пролистывая адресную книгу в своем смартфоне, вскинул трубку к уху: – Леночка, привет, это я. Заказы на сегодня есть? Нет-нет, я вернулся! Через полчаса буду!

Викентий обошел вокруг изрядно потрепанной коричневой «девятки», попинал ногами колеса, вздохнул:

– Ладно, еще поедем! – Он осторожно открыл жалобно скрипнувшую дверцу, скользнул внутрь. Двигатель дважды натужно скрипнул, рыкнул, загудел откровенно полудохлым глушителем. Машина чуть откатилась, скрежетнула коробкой и выехала с парковки.

Спустя час в ней уже лежали пять красно-белых коробок, каждая ценою в две такие «девятки», а Викентий мчался через город, на ходу набирая номер:

– Добрый день, доставка заказов! Планшет четыре МД синего цвета, правильно? Если я подъеду через четверть часа, вы будете дома? Очень хорошо. Приготовьте, пожалуйста, восемьдесят четыре тысячи за заказ и тысячу двести рублей за доставку.

Первой из клиенток оказалась милая зеленоглазая девушка лет двадцати. У реконструктора даже появилось желание пригласить ее на прогулку... Однако трудно договариваться о свидании с женщиной, которая платит тебе за работу, – и потому Викентий помчался дальше, доставив ноутбук какому-то нескладному очкарику, потом еще один малолетнему жирдяю, после чего пообедал в попутной кафешке и позвонил на четвертый адрес:

– Добрый день, доставка заказов. Вы заказывали мси-титан на восемнадцать дюймов?

– Какой «мси»? – удивился на той стороне хриплый женский голос.

– Ноутбук с экраном восемнадцать дюймов в ударопрочном металлизированном черном цвете... – опустил глаза на бланк заказа Викентий.

– Э-э... да, я вспомнила. Ноутбук, – с некоторым промедлением ответила женщина. Слотнула, добавила: – Да, везите. Вы адрес знаете?

– Само собой, – усмехнулся реконструктор. – И даже телефон. Буду у вас через десять минут. Приготовьте, пожалуйста, пятьсот пятнадцать тысяч за ноутбук, тысячу двести рублей за доставку либо пять тысяч за ложный вызов.

– Что? – удивились с той стороны.

– Если передумаете, то ложный вызов курьера с товаром стоит пять тысяч рублей. Приготовьте, пожалуйста, всю сумму без сдачи.

Викентий отключил трубку, с усмешкой бросил на соседнее сиденье. По его спине пробежал острый холодок предвкушения... Молодой человек быстро закрутил руль, сворачивая в проулок между блочными пятиэтажками, углом втиснулся в просвет между двумя иномарками, заглушил мотор.

– Иди сюда, моя противоугоночка. – Недавний викинг выдернул из гнезда рычаг переключения передач с наверху из полированной нержавеющей стали, забрал с заднего сиденья сумку, набросил через плечо. Весело насвистывая, пересек двор, остановился перед металлической дверью, набрал на панели домофона номер квартиры: – Открывайте, доставка.

Послышался частый писк, дверь чуть приоткрылась. Викентий потянул створку к себе, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Сделал осторожный шаг вперед, стрельнул зрачками по сторонам.

Никого.

Он сделал еще шаг, и створка хищно лязгнула за спиной, отрезая путь к свободе.

Еще шаг...

– Ни звука, крысеныш! Глотку распорю! – Из-за второй створки появились сразу двое крупных мужиков в вязаных шапках с прорезями для глаз и большими кухонными ножами. – Руки...

Дослушивать Викентий не стал, взмахнул левой рукой, отвлекая внимание, ударил правой – и стальной набалдашник рычага КПП врезался в ближний кулак с ножом, дробя суставы пальцев. Реконструктор сделал шаг влево, прячась за раненого врага, вторым взмахом саданул его чуть ниже уха, пнул ногой, заваливая на подельника, и тут же прыгнул следом, снова вскидывая импровизированный шестопер. Удар пришелся точно в лоб, и второй грабитель, к разочарованию викинга, тут же обмяк.

– Ну вот, а я только разогреться начал... – Викентий прошел прямо по лежащим, быстро поднялся на четвертый этаж, вдавил кнопку звонка.

– Кто?.. Там?.. – неуверенно спросили изнутри.

– Служба доставки! – весело ответил молодой человек. – Получите ваш заказ, будьте так любезны.

– К-какой заказ?

– Вы помните мое предупреждение, миледи? – постучал рычагом по двери Викентий. – Ложный вызов стоит пять тысяч рублей. Я считаю до десяти, и если вы не заплатите, то разбираться будем с участием полиции. Думаю, лежащие внизу тушки доставят мусорам огромное удовольствие. Это же сколько глухарей они разом закроют! Итак... – Он снова ударил рычагом в дверь: – Один... Два... Три... Что же вы заранее все не приготовили? Четыре! Пять! Я ведь предупреждал. Шесть! Семь... Тюрьма или деньги? Восемь, девять...

– Сейчас, сейчас! – Щелкнул замок, створка приоткрылась и замерла на короткой цепочке. В щель просунулась рука с длинными красными ногтями.

Викентий забрал скомканные купюры, сунул в карман:

– Благодарю вас за щедрость, миледи!

– Да иди ты! – не выдержала женщина внутри.

– Передайте своим рыцарям, миледи, – рассмеялся Викентий, – что грабить курьеров с дорогим товаром – непостижимо свежая мысль! В этом месяце они у меня уже третьи. В следующий раз пусть попробуют ствол. Вдруг чего и обломится?

Дверь захлопнулась.

– Легкие деньги... – Викинг побежал по лестнице вниз, на нижнем пролете увидел вцепившуюся в поручень фигуру, походя ударил мужика набалдашником в солнечное сплетение, поднырнул под падающее тело и распахнул дверь на свежий воздух. – Обожаю свою работу!

Доставка последнего заказа прошла без накладок. Принявшей его сонный мужчина проверять коробку не стал. Расписался, заплатил и даже триста рублей «на чай» накинул. Так что в девять вечера реконструктор уже припарковался возле дома. Пересчитал деньги, распахнул карманы, выдернул рычаг, закинул опустевшую сумку на плечо. Закрыв дверцу на ключ, прошел вдоль тесно стоящих вдоль проезда легковушек, заметил курящую возле подъезда компанию, и веселый холодок предчувствия опять бодрой волной прокатился по телу.

Увидев Викентия, парни, одетые в джинсу и спортивные костюмы, торопливо затушили сигареты и разошлись в стороны. Викинг сделал вид, что ничего не заметил, небрежно перебросил сумку за спину и прикрыл левой рукой зажатый в кулаке рычаг коробки передач. Парни тоже старательно отворачивались. Лишь когда молодой человек свернул на дорожку к парадной, троица в спортивных костюмах перегородила путь.

– Ты связался не с теми людьми, гой поганый... – оскалился незнакомый кавказец.

Дослушивать и на этот раз реконструктор не стал, с ходу врезав ему ногой в пах, чуть отпрянул в сторону с приседанием – кулак просвистел над головой, – в ответ с короткого замаха ударил рычагом по голени, выпрямился, подставил железяку под кулак белобрысого паренька,

оставил его выть и скользнул влево, отпрыгивая и поворачиваясь. Двое уцелевших гопников сверкнули ножами, и викинг невольно захохотал от шипучего восторга, что раскатился по его венам. Восторга от настоящей, смертельной схватки, скользящей по грани между жизнью и небытием.

– Н-на! Н-на! – Один из парней кинулся вперед, взмахнул коротким клинком. Но метился не в корпус, а по руке с импровизированным шестопером. Выпад, еще... В это время его приятель быстро забежал викингу за спину, и Викентий кинулся вперед, левой рукой ловя клинок, а правую занося для удара.

Враг отпрянул. Реконструктор сделал шаг влево и ударил по затылку согнувшегося там кавказца, выключая его, пока не пришел в себя. Врагов и так слишком много, к чему рисковать?

– Ах ты! – Парень разозлился, кинулся в атаку. Викентий отбил нож рычагом, тут же с левой врезал нападавшему кулаком в нос, добил шестопером в голову и... И охнул от боли в спине.

– И еще разик! – Подобравшийся сзади гаденыш выдернул нож и вонзил снова.

Викентий попытался ударить его локтем в лицо – но парень отскочил, подхватил под локоть подельника со сломанной голенью:

– Уходим! Уходим быстро.

Викентия качнуло от внезапной слабости. Он сделал пару мелких шагов назад и бухнулся на скамейку, хватая воздух широко открытым ртом.

– Уходим!

Парень с разбитым кулаком подскочил к распластанному кавказцу, вцепился здоровой рукой в шкуру, потащил за собой. Последний из нападавших, согнувшись и сжимая руками голову, широко раскачиваясь из стороны в сторону, поковылял следом.

Викинг сунул руку за спину, вытащил. Ладонь была вся в крови, а перед глазами уже плясали радужные мухи. Викентий торопливо достал смартфон, вдавил палец в верхний адрес, поднял к уху:

– Дядя Федя... Я у дома, меня опять порезали... Выручай... – Реконструктор полуприкрыл глаза и мелко задышал, стараясь сдержать частоту сердцебиения. Авось поможет хоть немного сдержать кровотечение.

Спустя пару минут хлопнула входная дверь, бородатый мужчина закинул его руку к себе на плечо, затащил в дом, в кабину лифта... И вскоре бросил лицом вперед на белый кухонный стол.

Федор Семенович был соседом семьи Шрунниковых и несколько лет назад вполне успешно ухаживал за мамой Викентия. Семейная идиллия в итоге почему-то не сложилась. Но дружеские отношения остались. И потому реконструктор довольно часто обращался за помощью к «почти отчиму», на удивление удачно имевшему профессию врача-травматолога.

– Та-а-ак. – Мужчина действовал быстро и уверенно. – С курточкой можешь распрощаться, я ее срежу. Один черт, она теперь в крови и порезах. Толстая, однако, какая, прямо хоть за ножницами по металлу беги... Вик, тебе такая жизнь еще не надоела? По три раза в год тебя штопаю! Иногда мне кажется, на твою шкуру проще молнию пришить. Хочешь помереть – расстегнул, хочешь обратно жить – застегнул... Сейчас будет немного больно...

Послышался легкий треск.

– Та-ак, сейчас промою... Теперь новокаин... Завязывал бы ты с такой жизнью, парень! Нашел бы себе работу нормальную, специальность, остепенился. С драками всеми этими прекращал. Не мальчик ведь уже! Учиться тебе надо, Вик, а не палками железными по лесам махать. Или ты до самой смерти собираешься курьером на посылках бегать? Хочешь, у знакомых попрошаю? Может, место у кого приличное есть?

– А что, дядя Федя, еще где-то есть места, где можно по пять тысяч в день честно зарабатывать?

– Ты ври, да не завирайся! Если бы у вас так платили, там на каждую вакансию очередь на три квартала стояла бы. С конкурсом в двести рыл на место. А про желающих почему-то не слышать.

– Конкурс, дядя Федя, рассасывается сразу, как только желающие узнают, что курьеров примерно раз в неделю пытаются зарезать и ограбить. У меня в карманах и в сумке почти два миллиона рублей. Не с каждого банка такой куш за один раз снять можно.

– Лежи смирно, раневые каналы проверю...

На кухне наступила тишина. Викентий не выдержал первым:

– Ну что там, дядя Федя?

– Поздравляю племянничек, ты труп! Два глубоких ножевых, и оба в печень! Даже не знаю, почему ты прямо там, на скамеечке, не преставился.

– Не попали, наверное, – пожал плечами реконструктор.

– Везучий ты, Вик! Уже, наверное, пятый раз с почти смертельной раной тебя вижу. И каждый раз каким-то чудом выкручиваешься. Ты все-таки подумай. Всех денег не заработаешь. А жизнь – она одна. В следующий раз может уже не повезти. И так на грани фантастики живешь... Не крутись, швы накладываю! В общем, дурацкая у тебя работа, если из-за нее каждую неделю тебя убить пытаются. Мертвым деньги не нужны.

– Зато живым очень нравятся, дядя Федя. Ты ведь от зарплаты не отказываешься?

– За мою работу нож под ребра не суют. Все, можешь вставать. Через неделю приходи, снимем. И пару дней воздерживайся от ванны и парилки. Душ позволяю.

– Спасибо, дядя Федя, – поднялся молодой человек. – Я твой должник.

– Спасибо не булькает, – хмыкнул бородач. – Но тебе «булькать» еще рано. Так что потом. Иди домой, отлежись. Настене привет. И тряпье свое по дороге в мусоропровод выброси, мне чужого не надо.

До своей квартиры Викентию нужно было спуститься всего на два этажа, так что даже полуодетым он не замерз. Открыл своим ключом, вошел, скинул ботинки, заглянул на кухню, откуда слышалось позвякивание и голоса.

– Привет, мама! У нас гости?

– О, Вик вернулся! – обрадовалась женщина. – Познакомься сын, это Самуил.

В свои сорок четыре года Анастасия Шрунникова не расплнела, не обрюзгла, не сгорбилась, сохранив все обаяние юности – правда, слегка стершееся, словно у антикварной драгоценности. Круглолицая, розовощекая, голубоглазая, с чуть вздернутым носиком. Просто черты лица, линия бедер, подъем груди стали более сглаженными, у глаз и на шее появились слабые морщинки, брови выцвели, губы поблекли. Однако она все еще оставалась достаточно яркой красавицей, а халат и отсутствие макияжа придавали женщине некую уютную домашность... Так что Викентий вполне резонно забеспокоился, обнаружив, что лавочный армянин все еще находится здесь, несмотря на позднее время.

– К столу проходи, сынок, садись. Ты почему голый?

– Нет, мам, спасибо, днем перекусил. Так спать хочу, еще на лестнице раздеваться начал... – Викентий прищурился, раздумывая, но на кухонном столе стояли только чай и половина торта, никакого вина или водки, и викинг немного расслабился. – Самуил, можно тебя на два слова?

– Ага... – Армянин нервно почесал в затылке, но поднялся, вышел в коридор.

– Скажи мне честно, Самуил, – понизил голос почти до шепота реконструктор, – ты никого не просил со мной разобраться?

– Зачем мне это, дорогой? – развел руками ларечник. – Ты видишь, я сижу, я пью чай, я познакомился с очень милой и просто прелесть хорошей женщиной. Ей хорошо, мне хорошо, всем хорошо. Зачем еще кого-то о чем-то просить?

– Может, ты просто готовил себе алиби?

– Ай, ты не понимаешь, дорогой, – хлопнул его обеими ладонями в грудь ларечник. – Редко случаются недопонимания. И что? Килограмм бананов, маленький торт, три стакана чая, и это всем хорошо. Начнешь просить, как ты это сказал? «Разобраться»? Начнешь просить «разобраться», это будет уже совсем не килограмм. И совсем не редко. И совсем потом не избавиться. Только плати, плати и плати. Зачем мне это, дорогой? Я лучше раз в месяц кило бананов хорошей женщине подарю.

– Значит, просто совпало, – пожал плечами Викентий. – Я вижу, ты мужик нормальный оказался, так что... Без обид? – Он протянул армянину руку.

– Какие обиды, дорогой?! – с явным облегчением пожал тот открытую ладонь.

– А ты знаешь, сколько сейчас времени, Самуил?

– Какое время, дорогой? – изумленно вскинул брови армянин. – Твоя мама такой вкусный чай заваривает, просто пальчики оближешь! Про любое время сразу забываешь!

Крепыш отступил, развел руками и бочком, бочком скользнул обратно на кухню.

– Ох, мама... – покачал головой викинг, вздохнул и отправился к себе в комнату.

Не то чтобы он так уж верил седому лавочнику. Однако, надо признать, армянин был далеко не единственным подозреваемым. Даже если забыть регулярные попытки ограбить Викентия, которые неизменно заканчивались увечьями для нападающих, у курьера случались регулярные споры на парковках, когда он не всегда удачно бросал машину на необходимые для доставки пять-десять минут, случались драки на дорогах – викинг не имел привычки пропускать нарушающие правила «Роверы» и «БМВ», а кроме того, викинг мог припомнить изрядное количество свар и просто ругани с излишне буйными или пьяными гопниками, попавшими под руку в минуты плохого настроения. Так что связка бананов была не самым большим разногласием Викентия с окружающим миром. Неприятности реконструктора любили. Даже – обожали.

Притворив дверь, молодой человек встал боком перед висящим на стене зеркалом. На спине белела одинокая прямоугольная блямба: дядя Федор залепил обе раны одним куском пластыря. Никаких иных следов недавней схватки на теле не осталось.

– Ну и слава богу, – облегченно кивнул реконструктор. – Маме можно ничего не говорить. Надо и правда спать ложиться, пока новокаин не отпустил. Авось к утру рассосется.

* * *

Проснулся Викентий поздно, почти в половине одиннадцатого. Чертыхнувшись, он перекатился по тахте, подтянул сумку, вытащил смартфон, вызвал диспетчера:

– Привет, Леночка, это я. Заказы есть?

– Ничего, Вик. Можешь отдыхать.

– Что, совсем?

– Ты же знаешь, как это бывает. То густо, то пусто. Вчера телефон обрывали, сегодня ни одного звонка.

– Ну так оно даже лучше, – произнес молодой человек. – Давай тогда я выручку завтра сдам, лады?

– А если после обеда работа нарисуетя?

– Завтра выполню. А сегодня, раз уж окно выдалось, за город смотаюсь. Договорились?

– Смотри сам. Ты у нас птица вольная, на сдельщине сидишь.

– Спасибо, Лена! Ты моя благодетельница! Тогда до завтра... – Он отключился, промотал номера на экране, выбрал нужный, снова вскинул трубу к уху: – Кеша, привет. Можно я сегодня к тебе в кузню подскочу? Мне Иншала четыре кольца намедни на кольчуге порвал, заклепать нужно. Ну и меч полирнуть. Потускнел он чего-то. Обтерся.

– Приезжай, – лаконично ответил его товарищ.

– Отлично! – Викентий отключился, вышел из комнаты. Услышал из кухни негромкие напевы, выглянул туда: – Мама? Ты уже поднялась? Разве тебе не во вторую смену?

– Просто настроение хорошее, – отозвалась женщина. – Солнце, лето, птицы за окном поют.

– Та-а-ак... – Молодой человек остановился возле холодильника, привалившись к нему плечом. – Армянин вчера поздно ушел?

– Очень хороший человек, кстати, оказался. Веселый, непьющий совершенно... – нервно пригладила волосы хозяйка.

– Только не говори, что сегодня он опять к нам в гости собирается!

– Да не знаю... – неуверенно ответила женщина. – Он меня после работы обещал подвезти, чтобы одной поздно не возвращаться. Неудобно будет совсем уж не пригласить... Тебе чаю налить? У нас еще торт остался.

– Ох, мама... – Викентий покачал головой и отправился в душ.

– Ну так я тебе наливаю!

Во избежание ссоры возвращаться к теме ларечника викинг не стал. И даже от кусочка армянского торта не отказался – после чего взял под мышку тяжелый сверток из мешковины с торчащей из него рукоятью меча, чмокнул маму в щеку и побежал вниз.

Больше всего Викентий боялся, что машина окажется сгоревшей или стоящей с выбитыми стеклами – бывало после драк и такое. Но в этот раз обошлось. Посему реконструктор бросил сверток на заднее сиденье, воткнул рычаг в гнездо коробки, завелся и выкатился со двора, не спеша пробираясь на юг через городские пробки. За полчаса доехав до проспекта Славы, он заблаговременно перебрался в правый ряд, чтобы не толкаться перед развязкой, пристроился за ярко-красной новенькой «Хондой», чем-то похожей на свежевыкрашенные женские ногти.

Спустя несколько минут, перед заправкой, «Хонда» замигала правым поворотником, обогнула темно-синий «БМВ», стала поворачивать на съезд – и тут «бомба» сорвалась с места, коснулась бампером «хондовской» дверцы, громко забибикала и заморгала аварийкой.

Красная машинка тоже замерла. Внутри растерянно мотала головой плохо различимая девица.

Из «БМВ» вышли четверо мужиков – двое в хороших костюмах, прилизанные, как фото-модели, и двое в джинсах и кожаных куртках, наголо бритых, да еще и с наколками на черепушках.

– Это ведь подстава! – пробормотал Викентий, поневоле остановившийся чуть сзади. – Откровенная подстава...

Мужики уже начали «прессовать» свою жертву: один осматривал «бомбу», размахивая руками и ругаясь, другой забежал перед капотом «Хонды», третий стучал красную машину по крыше, четвертый бил кулаком в стекло правой дверцы.

– Вот козлы! – Реконструктор принял вправо, пристроившись к газону сразу за «БМВ», привычно выдернул рычаг, вышел наружу. – Эй, уроды! Ну-ка, отойдите от девушки!

Хозяйка «Хонды», черноволосая, стриженная под каре, с ямочкой на подбородке, со вздернутым розовым носиком и растерянным взглядом, уже стояла на дороге, вскинув руки.

– Тебе чего, больше всех надо?! – Бритый мужик с татуировками свастики у висков и Ленина на макушке ринулся ему навстречу, выдернул из-под курки пистолет, с силой вдавил Викентию в лоб. – Маслину хочешь схлопотать, говнюк?! А ну быстро свалил отсюда! Бегом, не то мозги по асфальту собирать будешь!

Под давлением ствола реконструктор попятился, открыл дверцу, бросил рычаг на пол, тихо попросил:

– Подождите минуточку... – наклонился, сунул руку в сверток и сразу нащупал рукоять меча.

По телу викинга прокатилась волна щемящего блаженства, на губах появилась широкая улыбка предвкушения.

Викентий выпрямился, глубоко вздохнул и встретился взглядом с подставляльщиком. Бритый сразу все понял – но едва его палец дернулся, викинг уже качнулся в сторону. Хлопнул выстрел, потом еще один. Что-то дважды прошелестело у самой щеки Викентия, а потом меч врезался в руку уголовного чуть выше запястья. Увы, не перерубил: рука просто повисла, пистолет упал вниз – а клинок уже рубил подставляльщика поперек живота. Кожа куртки расползлась, мужчина сложился пополам, и Викентий ринулся вперед, снова вскидывая оружие.

– Бля! – Вымогатель в костюме отпрянул, и меч вместо его головы врезался в крышу «БМВ» прорубив тонкую жестянку насквозь. – Псих!

От прямого укола красавчику увернуться не удалось – острое пробило пиджак и вошло на пару пальцев в тело, ощутимо врезавшись в грудину. Уголовника отбросило – реконструктор, услышав шорох за спиной, крутанулся, сразу рубя на уровне плеч. Второй бритый подставляльщик пригнулся – меч прорубил заднюю стойку; стекла дверцы и кузова лопнули и посыпались вниз. Викинг отскочил, оберегаясь от возможного нападения. Грохнул выстрел – рядом прошелестела пуля. Еще один.

Викентий резко пригнулся, кувыркнулся вперед, уходя с линии огня – оказался за спиной не столь расторопного врага и со всего размаха рубанул его поперек позвоночника. Бритый молча рухнул рядом с хрипящим подельником.

Еще выстрел – и в голове викинга словно взорвался фейерверк. Викентий замер, тряхнул башкой.

– Получи! Получи! Получи, тварь! – Подставляльщик, обходя красненькую машину, стрелял и стрелял. И – мазал.

Реконструктор тряхнул головой снова, пощупал место попадания левой рукой. Посмотрел на ладонь, перевел взгляд на совсем близкого мужчину:

– Это же просто травматик!

Мужчина в костюме остановился. Викинг взревел, рубанул воздух мечом и ринулся на него. Подставляльщик взвизгнул, кинулся наутек, продолжая палить себе за спину, пока обойма не опустела. Три пули попали в цель – но Викентий даже не замедлил бега.

– А-а-а! – Мужик перекатился через капот «Хонды», обежал «бомбу».

Викинг метнулся следом, взмахнул клинком – лобовое стекло «БМВ» лопнуло в брызги. Подставляльщик опять визгнул, резко пригнулся – и новый удар прорубил крышу над пассажирской дверцей. Мужик нырнул в салон, плюхнулся за руль. Викентий прыгнул на капот, попытался уколоть в грудь – но каким-то непостижимым образом промахнулся.

Взревел мотор, машина сорвалась с места. Падая в сторону, викинг все же выбросил вперед руку с мечом. Клинок пробил дверцу, но «БМВ», перепрыгнув бордюр, заскакала по газону.

– Стой, гад! – Викентий рубанул снова, но смог лишь расцедь крышку багажника. «Бомба», прыгая, словно кенгуру, и разбрасывая грязь из-под колес, отчаянно виляя, промчалась по газону до съезда к заправке, скатилась на трассу и рванула по ней вперед. Туда же трусил подставляльщик с пробитой грудью. Бритая парочка все еще валялась на дороге. Крови вокруг них не было. Похоже, уроды отделались переломами.

Викинг положил меч на плечо, обогнул машину, остановился перед молодой женщиной, одетой в легкое ситцевое платье, замершей со вскинутыми руками. Челюсть дамочки расслабленно отвисала вниз, отчего ротик превратился в розовое колечко, а глаза были круглыми, как пятирублевые монеты. В общем, выглядела она так, словно только что получила по голове «гасилом».

– Девушка, вы в порядке? – спросил Викентий.

Дамочка медленно покачала головой из стороны в сторону, не отрывая взгляда от его переносицы.

– Машину вести сможете? – сделал еще попытку реконструктор.

И опять голова качнулась из стороны в сторону.

Ругая себя за излишнюю вежливость, Викентий вынужденно задал третий вопрос:

– Вас подвезти?

Девушка молча протянула ему ключи.

– Я сейчас, вещи заберу. – Викинг сходил к «девятке», забрал броню, запер дверцу. Когда вернулся к «Хонде», девушка испуганно притихла на пассажирском сиденье. Молодой человек вздохнул, сел за руль: – Куда едем?

– На заправку... – прошептала девушка. – Девяносто пятый бензин.

– Хорошо. – Викентий включил передачу, тронулся с места.

– А там у вас что? – так же шепотом спросила девушка, указывая на сверток.

– Кольчуга, – пожал плечами викинг.

– Можно? – Она протянула руку, приподняла край дерюги. Вскинула брови и испуганно отдернула пальчики.

– У вас бак с какой стороны?

– Слева... – еле слышно прошептала дамочка. Подтянула сумочку, открыла, достала банковскую карточку и протянула Викентию.

– Нормально... – хмыкнул молодой человек. – Я уже в слугах.

Впрочем, девушка явно пребывала в шоке, так что следовало проявить снисходительность. Он притормозил у колонки, вышел, заправил полный бак. Расплатился, вернулся к машине.

– Нам на Суздальскую улицу, – спрятала в сумочку телефон девушка. – Там ресторан «У Герасима», знаешь?

– Знаю. – Реконструктор выехал с заправки, встроился в поток. Через несколько минут не выдержал, спросил: – Что ты на меня смотришь, как на призрака?! Дырку скоро взглядом протрешь.

Девушка кашлянула, вытянула руку, потрогала его плечо, локоть, пальцы на рычаге. Снова кашлянула – но ничего не сказала.

Еще минут через двадцать они въехали на парковку ресторана.

– Пойдем... – Девушка вышла, обогнула машину, взяла его за руку, повела за собой. В полутемном зале нашла столик с двумя длинноволосыми девчушками в белых блузках, очень похожих на униформу. Пошептала с одной, забрала у нее ключи, пошла обратно, не отпуская Викентия. Возле машины сообщила: – Теперь нам на «Славу».

– Может, дальше ты сама? – предложил реконструктор.

– У тебя голова в крови, – сообщила девушка. – И футболка в нескольких местах. Поедем, я тебя хоть отмою.

Викентий глянул в стекло на свое отражение, хмыкнул и сел за руль.

– Тут рядом, пять минут, – пообещала спутница.

Девушка не обманула. Через пять минут они вошли в чистенькую, пахнущую жасмином однокомнатную квартиру. Белые обои с лилиями, шкаф, трюмо, телевизор и широкая постель. Тюлевые занавески, вешалка с несколькими шарфами, курткой и плащом. Судя по скромности обстановки, квартира была съемной, и потому нажитым добром ее никто не захламлял.

– Давай посмотрию. – Скинув туфли, девушка провела его через комнату, посадила на постель. Присесть где-то еще было просто негде. – Снимай футболку.

Викентий послушался.

– Сейчас я губку влажную принесу, – потрогала пальцами рану на голове девушка.

– Подожди. – Молодой человек, поднявшись, удержал ее за руку. И расстегнул молнию платья на спине.

– Что ты делаешь? – Девушка передернула плечами, и одежда соскользнула к ее ногам. Она сделала шаг вперед, переступив опавшую кружком ткань, и оказалась в крепких объятиях викинга, легко оторвавшего ее от пола и уложившего на постель. – Обожди, я просто хотела поцеловать твои раны... Хотя какая разница?

Лифчик и трусики отлетели в сторону подоконника, их обладательнице осталось лишь смириться, закрыв глаза и позволяя грубым ладоням скользить по своему нежному телу, сильным губам целовать острые розовые соски и жесткой каменной плоти покорять горящее покорное лоно. Забыть про разум, планы и желания и провалиться в бездну, в страстный и бездонный омут сладкого безумия. Всплывать, хватать глоток воздуха – и проваливаться обратно, снова и снова, не в силах отличить реальность от пылающих грез.

Девушка дважды пыталась исполнить свое обещание и промыть рану на голове Викентия. Но каждый раз, когда ее обнаженные бедра оказывались перед лицом молодого человека – тот не выдерживал и через себя отправлял ее на кровать. К шести вечера дамочка смирилась и, отдохнув после очередной любовной схватки, поднялась, отправилась к трюмо, придирчиво себя осмотрела.

– Ты хоть понимаешь, что ты меня изнасиловал, призрак средневековой древности? – покачала головой она. – Если муж заметит синяки, он меня убьет.

– Ты замужем? – удивился Викентий.

– Не притворяйся, что разочарован. Я слышала вздох облегчения.

– Не притворяюсь, – усмехнулся реконструктор. – Я не суеверен.

– Черт тебя побери! Неужели нельзя было относиться ко мне хоть чуточку нежнее? Не стискивать, а гладить, не кидать, а укладывать, не кусать, а целовать, не втыкать, а касаться губами?

– Когда началась драка, – хмыкнул Викентий, – тебе следовало позвать более гламурного бойца.

– Какие вы, мужики... неправильные. Если хорошо языком работаете, то и в постели, и в жизни. Если кулаком, то и в жизни, и в постели. А коли одного для жизни выбрать, а другого для алькова, то сами обижаетесь, – посетовала женщина. – Хочется ведь, чтобы в бурю каменной стеной становился, а под одеялом ласковым тельцем. Вы же все наоборот норвите...

– Правда? – вскинул брови викинг.

– Только не говори, что ты принял это на свой счет. – Женщина подняла бюстгальтер, надела. – Ты, как я поняла, всех, кого встречаешь, или убиваешь, или насилуешь.

– Не всех, – покачал головой Викентий. – Некоторым удается удрать.

– Ну хоть чувство юмора у тебя есть, мой малыш, – усмехнулась она, наклоняясь за кружавчиками. – Как тебя хоть зовут, средневековый дикарь?

– Вик, – кратко представился реконструктор.

– Ну вот, ты еще и трусики порвал! – смяла в кулаке кружавчики красотка. – Будем надеяться, сегодня ко мне под юбку больше никто не полезет.

– Я провожу...

– Нет! – вскинула она палец. – Вот этого не надо. Мало ли кто заметит? Хватит с меня синяков. Ты лучше вот что, Вик... Я у Жени квартиру до семи просила, так что ключи отвезти уже не успеваю. Ты их дождись и впусти, ключи на полочке. Успеешь, кстати, душ принять, раз уж помыл тебя не удалось...

Она через голову накинула платье, оправилась. Реконструктор, поднявшись, застегнул молнию на спине.

– Ничего не забыла? – Она снова подошла к зеркалу, поводила плечами, выставила губы. – Перед домом покрашусь.

Девушка метнулась через комнату, но у двери замерла. Присела и осторожно развернула мешковину. Взяла в руки меч, взвесила. Потом расправила и попыталась поднять кольчугу. Крякнула от натуги:

– Тяжеленная-то какая! – Она уронила броню обратно на мешковину, положила меч сверху. Подошла к Викентию, закинула руки ему за шею. – Я думала, у меня от ужаса галлюцинации начались. Явился рыцарь с мечом, порубивший напавших на меня разбойников. Спасибо тебе, что ты не призрак, Вик. – Она крепко поцеловала молодого человека, растрепала ему волосы и пообещала: – Еще увидимся, мой герой.

Девушка подмигнула ему и выскочила за дверь.

Викинг закрыл замок, посмотрел на часы.

Если хозяйка должна прийти в семь, то в душ он действительно успевал.

Избавившись от запекшейся крови и освежившись, Викентий натянул штаны, вышел к трюмо, рассматривая через зеркала швы на спине. Пластырь, понятно, оторвался. Однако раны, по счастью, не открылись. Ни во время схватки с уголовниками, ни в любовных поединках с молодой женщиной.

– Спасибо, дядя Федя. У тебя золотые руки, – пробормотал викинг.

Мелодично тренькнул звонок. Молодой человек секунду поколебался и не стал бегать в поисках футболки, открыл дверь.

– Опаньки, кто у нас тут такой! – рассмеялись две девчушки. Те самые, что сидели в ресторане. Правда, теперь они были не в блузках, а в обтягивающих футболках. Причем у обеих имелось что обтягивать. – Как же это Любавушка тебя не прибрала?

Красотки прошли в квартиру, весело рассматривая гостя.

– Опаздывала, – пожал плечами Викентий. – Велела дожидаться и отдать ключи.

– Тошка, смотри! – Девушка с более светлыми волосами присела возле кольчуги, поверх которой лежал тускло сверкающий меч. – Это чего, настоящий, что ли?

– Ты действительно напал с мечом на банду бандитов с пистолетами? – изумленно развела руками та, которую подруга назвала Тошкой. – Мы думали, Люба так пошутила. Впечатление свое приукрасила.

– Охренеть! – Светлая девчушка подняла клинок, вскинула к потолку. – Я призываю тебя, король Артур, к рыцарям Круглого стола! Ты ведь рыцарь Круглого стола, незнакомец?

– Я скорее рыцарь весла и паруса, – улыбнулся викинг. – У меня нет Росинанта, и я не нападаю на ветряные мельницы.

– Чем же ты тогда занимаешься? – поинтересовалась девушка.

– Сражаюсь с мужчинами и люблю женщин... – Левой рукой Викентий перехватил рукоять меча вместе с девичьими пальцами, завел ее светленькой за спину, прижал девушку к себе, прильнул губами к ее холодному рту, а правую ладонь запустил жертве под футболку и скользнул ею вверх, одновременно и лаская хрупкое тело, и обнажая его. Шрамы на спине кольнуло прикосновением, что-то бархатистое скользнуло по ним вверх. Молодой человек оторвался от губ светлой девушки, повернул голову – и был вознагражден поцелуем второй красотки.

Меч гулко рухнул на пол. Ладони заскользили по его телу – девушки кружили, словно акулы вокруг добычи, хищно облизываясь. Викинг усмехнулся, чуть присел, подхватил под попки сразу обеих, донес до постели, уронил на мягкое одеяло. Красотки стянули с себя футболки – и Викентию тоже пришлось снова раздеваться, целуя при этом бархатистый животик одной чаровницы и лаская маленькую, упругую грудь другой...

Поспать в эту ночь никому из троих так и не удалось. Однако в восемь утра девочки дисциплинированно стали собираться на работу – и для начала вместе убежали в душ. Викентий, натянув штаны и драную футболку, распахнул окно, сел на край подоконника, прихлебывая пиво и закусывая его ломтем обветрившейся пиццы – ничего другого заказать вчера по телефону не удалось.

Снаружи, в старом дворике, зеленели вокруг детской площадки деревья, чирикали воробы, тут и там попискивала узревшая владельцев сигнализация.

– Ты в душ пойдешь, рыцарь весла и паруса? – спросила неслышно подкрававшаяся Тошка.

– Мы люди дикие, к удобствам непривычные, – покачал головой реконструктор. – Дома вечером ополоснусь, и ладно.

– Кофе будешь?

– Мы, варвары, баловства сего не понимаем, – сделал еще пару глотков Викентий. – Наше питье – это вода за бортом али бражка хмельная, коли праздник на дворе.

– Разве у тебя сегодня праздник? – Девушка отбросила на постель полотенце, которым сушила волосы, запустила ладони ему под футболку. – Это какой?

– Хорошая драка днем и прекрасные девы вечером. О чем еще может мечтать человек в этой жизни?

– Откуда у тебя эти швы? – наткнулась на нитку Тошка.

– Совсем забыл, – поехался Викентий и отставил бутылку. – У тебя ножницы маникюрные есть? Сделай доброе дело, разрежь и выдерни нитки. А то мне на спине не достать.

– Может, лучше в поликлинику сходишь?

– Не смей меня, из-за такой ерунды время терять!

– Совсем забыла! – хмыкнула девушка. – Для тебя настоящая медицина – это лубки из кленовой коры, а настоящее обезболивание – это киянкой по голове.

– Именно! – даже не подумал спорить викинг. – Так что, ты нитки выдернешь?

– Задирай футболку, – ответила Тошка. – Помнится, в детском садике я как-то солнышко маме на день рождения сшила. Так что нитками пользоваться умею.

Викентий встал, опершись руками на подоконник, лицом к окну. И вдруг увидел, как на ветку старого, коротко стриженного тополя, стоящего между проездом и песочницей, опустился кречет. Настоящий, кривоклювый и когтистый крылатый хищник с черными глазами в желтом обрамлении.

– Обалдеть! – прошептал в изумлении молодой человек. – Ты здесь откуда?

Кречет склонил голову чуть набок, вперясь зрачками в его зрачки. И от этого взгляда по телу реконструктора стал расползаться некий странный щемящий зуд.

– Тебе нужно было родиться в Средневековье, Вик, раз уж ты так любишь пиво, драки и антисанитарию. – Викинг ощутил холодное прикосновение к спине, слабый укол, как это бывает при выдергивании хирургических нитей. – Ты явно ошибся эпохой. Веков этак на тридцать.

– Сто поколений, – прошептал Викентий, не понимая, откуда в его сознании появилась эта мысль. – Сто поколений назад.

Черные зрачки сокола не давали ему отвести взгляд, они завораживали, влекли, тянули, словно прочным жгутом, кружили, затягивали, всасывали, опрокидывали в пропасть – молодой человек уже падал в нее, проваливался в бездну невесомости и небытия...

Викентий тряхнул головой, разгоняя наваждение, открыл глаза и...

– Какого хрена?

Он лежал на толстой охапке сена у покрытой смолистыми каплями бревенчатой стены. Потолком небольшого сруба служили плотно сбитые жерди толщиной в руку, а освещали его четыре узких оконца, больше напоминающие бойницы. У других стен досматривали сны две девушки и парень. А еще один хлопец, в штанах из плащевки со множеством карманов и в клетчатой рубашке, с невозмутимой деловитостью ощупывал бревна, к чему-то приносясь.

Викентий тоже поднялся, повел плечами – ничего не болело, не беспокоило. Даже голова не гудела, хотя после бессонной ночи с пивом и красотками имела на это полное право. Реконструктор выглянул в окно и... остолбенел. Остолбенел ничуть не меньше, чем вчерашняя дамочка, которую он с мечом в руке отбил у банды подставляльщиков.

За окном лежал древний город. Небольшой, от силы сто метров в окружности. Но именно такими они и были до самого Позднего Средневековья. Бревенчатые стены, жердяные навесы, загончики для поросят, высокий стог сена, изрядная груда камыша, который деловито раздвигали три сидящие полукругом женщины. Причем одеты они были в остроконечные шапочки с наушами, невероятно похожие на буденновки, и в кожаные платья, украшенные нашитыми на груди белыми костяными шариками.

Срезанные кисточки женщины складывали в одну кучу, содранные листья – в другую. Скучная и обыденная подготовка к плетению циновки. Однако острый взгляд викинга отметил, что только одна из работниц пользовалась железным ножом. Остальные – каменными лезвиями, вклеенными в деревянную рукоять.

Послышались громкие голоса, фыркание, и во двор вошел крупный лось, по бокам которого свисали охапки хвороста.

– Вот хрень собачья! – не выдержав, громко выдохнул Викентий. – Эта ведьма забросила меня в неолит!

– Какая ведьма?! Куда забросила?! – Кто-то схватил его за плечо, попытался повернуть. – Ты что-то знаешь?!

– Кажется, это устроила Тошка, – покачал головой викинг. – Вот уж не ожидал!

– Какая Тошка?! При чем тут я?! – переспросили его сразу несколько голосов.

Реконструктор покосился через плечо на остальных пленников поруба. Все они были уже на ногах и теперь ждали ответа.

– В общем, дело было так... – вздохнул Викентий. – Провел я бурную ночь с парой сладких нимфеток. Возможно, оказался немного грубоват. Секунду назад одна из них сказала, что лучше бы мне очутиться в Средневековье. Хлоп, и вот я уже здесь.

– Зар-раза! Я не знаю никаких нимфеток! – рявкнула раскрашенная под «гота» коротко стриженная черноволосая девка в красном топике и джинсах, с татуировкой в виде обнимающего нож пламени на левой руке. – Что я, по-вашему, лесбиянка?!

– И я не знаю, – тихо согласилась девушка с длинными и прямыми каштановыми волосами, одетая в легкое цветастое ситцевое платье, короткие гольфы и сандалии.

– Бред собачий! – Русский парень в выпущенной поверх штанов фланелевой рубашке вытянул из кармана смартфон. – О'кей, Гугл! Покажи карту! О'кей, Гугл! Где я нахожусь? Черт, сигнала нет...

– Какой сигнал, дурень?! – фыркнул Викентий. – В окно выгляни. Каменный век на дворе. Парень последовал его совету, почесал в затылке, пожал плечами:

– Может, это какая-нибудь экодережня? Люди живут по законам предков, пользуются старыми технологиями. Сейчас это модно. Наверное, это программа «Розыгрыш». Нас усыпили, перебрали в деревню и теперь снимают скрытыми камерами.

– Хотелось бы верить, – вздохнул реконструктор. – Но есть одна маленькая заковыка. Ты знаешь, что семьдесят процентов костей, найденных на стоянках древних славян, принадлежит лосям? На этом основании археологи сделали вывод, что домашними животными у славян неолита были не лошади или коровы, а лоси. Теперь посмотри на загон у дальней стенки. Узнаешь зверька?

– Ну, лось, – неуверенно пожал плечами парень.

– Угу, оно самое. Не знаю, как тебе, но мне проще поверить в путешествие во времени, чем в то, что журналисты знают такие тонкости из нашего прошлого. И еще меньше в то, что ради розыгрыша они смогли приручить сохатого и пристроить его к работе.

– Они могли найти хорошего консультанта. Особенно если знали, что будут разыгрывать специалиста.

– У них мозгов не хватит правильного консультанта найти...

– Мальчики... – Тихий проникновенный голос готки прервал спор. Девушка многозначительно вскинула брови и указала большим пальцем в сторону пятого пленника, парня в клетчатой рубашке. Тот, не принимая участия в споре и не проявляя особого беспокойства, продолжал деловито исследовать бревна.

– Эй, братан! – окликнул его Викентий. – Ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Разве только очень кратко, – оторвался клетчатый от своей работы. – Вы в Москве, это девятый век до нашей эры, вас вызвали из будущего славянские боги, вы прямые потомки великого Сварога и являетесь носителями наиболее полного его генотипа из всех прочих представителей гаплогруппы «I».

– Москве же всего восемьсот лет! – не выдержала девушка в платье.

– Что, правда? – широко улыбнулся клетчатый. – А термин «дьяковская культура» вам о чем-нибудь говорит?

– Ну-ну... Очень древняя страна городов на территории России.

– Он намекает на то, что даже само свое название эта культура получила от крепости, с девятого века до нашей эры стоявшей возле станции метро «Лефортово», – вмешался Викентий. – Формально говоря, Москва выросла из пяти довольно крупных городов дьяковской культуры, лет триста назад слившихся воедино. И если мы находимся в любом из них, то да: технически мы пребываем в столице нашей Родины.

– Сам-то ты откуда это знаешь? – спросила клетчатого готка.

– Знаю потому, Валентина, что меня к этому переносу готовили всю жизнь, – пожал плечами парень. – Я воспитан братством солнценосной Купавы именно ради сего часа. Я должен попасть в прошлое, найти и убить колдуна, угрожающего судьбе Вселенной, или хотя бы разорвать его связь с будущим. Ради этого меня с самой колыбели учили сражаться, ворожить и чародействовать.

– Откуда ты знаешь мое имя?! – вскинула руку к шее девушка.

– Мы же в прошлом, разве вы забыли? – покачал головой паренек. – Ваши имена и ваши судьбы сохранены в летописи братства. Викентий по прозвищу Один, Матвей-кузнец и Светатравница... – по очереди указал он пальцем на остальных молодых людей. – Самое забавное в сложившейся ситуации то, что прочитанные мною в босоногом детстве записи о вас и ваших приключениях оставлю именно я. Смешно, правда?

– Самого-то как зовут? – поинтересовался реконструктор.

– Степан Золотарев, к вашим услугам, – с улыбкой поклонился паренек.

– И какого хрена мы тут делаем, Степа?

– Как бы это объяснить попроще, – вскинув руки, пошевелил пальцами Золотарев. – Вы знаете, что такое рецессивные гены?

– В школе, слава богу, учились, – кивнула Валентина. – А что?

– А вот что... – Парень хлопнул в ладоши, в его руках оказался длинный сверкающий меч, каковой он стремительно вогнал готке в грудь.

Девушка завизжала. Степан хлопнул в ладоши снова – и клинок исчез так же внезапно, как появился.

– Ты debil?! – торопливо ощупала себя Валентина. – Я чуть не обделалась!

– Извини, но я должен был доказать вам, что колдовство существует.

– Я это и так знаю, даун! – Девушка оттянула ворот, заглянула себе под футболку. – Я ведьма, я умею видеть мертвых, высасывать души живых, вызывать призраков, развеивать демонов и еще целую кучу подобной фигни.

Степан перевел взгляд на Свету.

– Я умею лечить, снимать порчу, снимать обет безбрачия, избавлять от бесплодия, – призналась та.

– А ты? – чуть повернул голову Золотарев.

– А я студент-технолог из Машиностроительного, – ответил Матвей.

– А я вообще мальчик-курьер, – широко улыбнулся викинг.

– Не важно. Если вы носите гены богов, то не могли этого не заметить, – покачал головой Степан. – Вы наверняка никогда не болели, всегда были быстрее, сильнее, выносливее своих товарищей, вам постоянно везло, вы предчувствовали неприятности, а ваши травмы зарастали с такой скоростью, словно вы вампиры из голливудской саги. Правильно?

Реконструктор и студент переглянулись. Клетчатый собеседник попал в самую точку.

– А теперь теория, – вскинул палец Степан. – Как выяснило в последний век наше братство, геном всемогущего Сварога эффективен только и исключительно в комплекте. Однако ген, позволяющий накапливать энергию, рецессивный. Ген, позволяющий ею управлять, уже другой, и тоже рецессивный. Подавлять волю позволяет рецессивный, преобразовывать структуру материи тоже рецессивный... Ну и так далее, полтора десятка выявленных геномов. Причем поодиночке эти гены бессмысленны, а иногда даже вредны. Могут приводить к самовозгоранию или произвольному созерцанию мира мертвых вместо мира живых. Есть и доминантные «магические» геномы, такие как предвидение, способность к ментальной связи. Поэтому пророчествовать и чувствовать близких на расстоянии могут многие люди. А вот перемещаться с помощью зеркал или менять погоду – считанные единицы.

– Это что, научное обоснование колдовства? – попытался пошутить Матвей.

– Когда-то, очень давно, естественный отбор успешно зачищал голокожих зверьков без клыков и когтей, если те не имели магической силы, – невозмутимо продолжил ученик братства Купавы. – Если они не были быстрее волков, сильнее тигров, если не умели наводить мороки на медведей и насылать бурю на саранчу. И хромосомный набор пребывал в целости. Однако потом наши предки начали строить крепкие дома и обжигать копья, создавать некие цивилизации, придумывать всяческие инструменты, и в человеческих семьях стали выживать не только самые сильные из потомков, но и самые слабые. Доминантные гены начали стремительно расползаться по планете, и число людей с магическими способностями упало ниже плинтуса. А если добавить к этому тот факт, что носители рецессивных генов имеют хронические проблемы с продолжением рода, то всего за несколько веков считанные сотни «всемогущих богов» просто растворились в толпе «доминантов». Теперь боги рождаются в одном случае на миллиард. Полубоги чуть чаще – ребенок на десять миллионов. Вы все – невероятные счастливики.

– Всесильные боги не способны избавиться от бесплодия? – не поверила Света.

– Милая, у людей банальное расхождение резус-фактора никакая медицина до сих излечить не способна, – покачал головой Степан. – А здесь прорисовываются проблемы серьезных расхождений хромосомного набора. Причем в эпоху, в которой никто и слов-то таких еще не придумал. Эту проблему без лабораторного генного модифицирования не разрешить. Но это вопрос двадцать первого века.

А здесь...

Он сделал два больших шага назад.

– Ребята, я вас поздравляю. Вы попали в эпоху, в которой смертными все еще правят первородные боги. Постарайтесь их не раздражать. Ваше везение и бессмертие против гнева настоящих богов не продержится и секунды. Им нужна ваша помощь. Советую постараться. Что до меня... – он широко улыбнулся, – то я нашел заколдованный выход. Удачи!

Клетчатый сделал еще шаг назад – и исчез.

– Что за хрень?! – кинулся вперед Викентий, уперся ладонями в бревна, ударил по ним кулаком. Стена стояла прочной и недвижимой, словно отлитая из бетона. – Вот гаденыш! Сбежал!

Реконструктор повернулся к девушкам:

– Вы же вроде как ведьмы, милашки? Так давайте доставайте свою магию. Открывайте дорогу.

– Я больше привыкла иметь дело с мертвецами, – неуверенно пожала плечами Валентина и повернула голову к Свете.

– Можно попробовать снять, словно порчу, – одернула платье девушка. – Вроде бы заговор одинаково разрушает любые чары.

– Тогда вперед! – посторонился Викентий.

– Сейчас... Чуть сосредоточиться надобно... – Светлана дважды ладонями пригладила волосы на макушке, что-то пробормотала, опустив веки, сделала пару шагов вперед, вскинула ладонь. Стена дрогнула, словно растворяясь в горячем мареве, и пленники увидели перед собой связанную из сосновых жердей дверь.

– Ну ты крута! – восхищенно цокнул языком викинг.

– Не уверена, что это я... – пробормотала девушка, опуская руку.

Створка распахнулась, в поруб заглянул тощий паренек, рыжий, большеглазый и лопоухий, одетый в «вестерном» стиле: замшевая куртка чуть ниже бедер, украшенная нашитой поперек груди бахромой, и такие же штаны, на которых бахрома шла по наружному шву. Опосясывал его ремень с золотыми клепками, увешанный ножнами, чехлами и подсумками.

– Рад вас приветствовать у нас в гостях, детки... – Мальчишка с немалым интересом окинул молодых людей взглядом. – Надеюсь, добрались вы сюда в целости и полном здравии.

– Какие мы тебе детки, щенок?! – хмыкнул Викентий. – На себя посмотри!

– Мне недавно уж пять веков исполнилось, – беззлобно ответил паренек. – Вы же еще и не родились вовсе. Посему годами рядиться не стоит. Я с детства Трояном наречен, богом пространства и времени почитаюсь. Я проход к вам чрез века и версты прокладывал. Вижу, сокол Волоса выбрал сварожичей молодых и сильных. Значит, все получилось в точности, как было замыслено.

– Если мы в далеком прошлом, Троян, то почему так хорошо понимаем твою речь? – поинтересовалась Света.

– Вы же боги, – недоуменно пожал плечами паренек и посторонился: – Следуйте за мной, сварожичи. Великая Макошь, богиня силы и богатства, храбрый Перун, бог грозы и справедливости, и Квасур-медовик желают узреть желанных потомков!

Выбравшись из сруба – как выяснилось, стоявшего над воротами крепостицы, – четверо молодых людей прошли по узкому помосту вдоль стены, спустились по приставной лестнице на засыпанный камышовыми листьями и кисточками двор, обогнули загончик с веселыми розовыми поросятами, прошли за стог и оказались перед крытым крыльцом, ведущим к двери на уровне второго этажа. На крыльце, созерцая сверху гостей, стояли двое: крупная статная женщина в замшевом платье, украшенном золотыми пластинами, расшитом жемчугом, с полосоми собольего меха на плечах, и в некоем подобии короны, венчающем волосы; и кряжистый рыжебородый мужчина лет сорока на вид, в кожаных, ничем не украшенных одеждах, но с топориком за поясом.

– Наши гости приветствуют тебя, великая Макошь! – почтительно поклонился Троян.

Викентий, следуя совету исчезнувшего колдуна, тоже склонил голову – не стоило начинать знакомство со взаимных обид. Его друзья по несчастью последовали примеру товарища.

– Их же должно быть пятеро, Троян? – мелодичным голосом удивленно спросила женщина.

– Возможно, сокол больше никого не нашел? – запустил пальцы в кудри моложавый бог. – В каждом поколении детей становится все меньше. До эпохи наших гостей прошло тридцать веков.

– Это так? – окинула взглядом гостей богиня.

– Пятый сбежал, – признался Матвей.

– Смог одолеть мои заклинания? – вскинула соболиные брови женщина. – Хороший признак. Есть надежда, что в наших потомках сохранилась сила.

– Зачем ты притащила нас сюда, ведьма?! – вдруг выкрикнула девушка-готка. – Что за дурацкие шутки?

– Назови свое имя, несчастная! – нахмурившись, шелестящим шепотом потребовала Макошь и быстро спустилась на несколько ступеней.

– Меня зовут Валентиной! – выступила вперед юная колдунья. – И поменьше гонора, Макошь.

Или я подниму против тебя всех мертвецов твоего дома!

– Вряд ли Мара позволит тебе такую наглость, – хищно скривилась богиня. – И раз уж ты так любишь смерть, стоит отдать тебя ей на воспитание.

– Не сердись, великая богиня. – Света положила ладонь на плечо Валентины. – Мы напуганы и не знаем, куда попали. Зачем, почему?.. Сделай милость, просвети, чего ты от нас желаешь? И позволь представиться: меня зовут Светлана.

– Какое благонаравие. – Голос Макоши вновь стал мелодичным. – Твой дар прекрасен, дитя света. О своей судьбе можешь не беспокоиться. В моем доме ты станешь желанной гостьей. И ты права, не стану томить вас неизвестностью. В наших землях завелся враг, справиться с которым нам не удастся. Мы надеемся одолеть его с вашей помощью.

– Дайте мне меч и покажите этого несчастного! – восторженно воскликнул Викентий.

– Он оборотень, дитя, – перевела взгляд на реконструктора богиня.

– Тогда с вас меч и пиво, – пожал плечами молодой человек.

– Он создал целую армию оборотней!

– Меч, пиво, еда и комната, где можно отоспаться, – загибая пальцы, перечислил необходимое Викентий.

– Мне нравится этот парень, сестра! – расхохотался до того молчавший крепыш, сбегал по ступеням, встал перед гостем. – Отдай его мне! Двери моего дома открыты для тебя, незнакомец. Что скажешь?

– Друзья прозвали меня Одином, друг мой, – ответил реконструктор. – В детстве наречен Викентием, но о такое имечко все язык ломают.

– Один потому, что сражаешься в одиночку?

– Просто из всех людей я единственный, кто верит в могучих норманнов, – пожал плечами Викентий. – Но вас этот вопрос вряд ли беспокоит.

Рыжебородый бог оглянулся на Макошь. Та пожала плечами.

– А когда мы справимся с оборотнями, вы вернете нас домой? – спросил Матвей.

– Вы же боги, вы бессмертны, – вновь пожала плечами богиня богатства. – Вам достаточно подождать сто поколений.

– Вот это попали! – присвистнула Валентина.

– Я полагаю, брат, не стоит сразу разлучать наших гостей, – задумчиво спустилась еще на пару ступеней Макошь. – Наш мир им незнаком, и им нужна взаимная поддержка. Прости, но я приму их у себя. Приму со всем уважением. Каждый получит комнату, постель, место за столом, одежду, а юноши – красивую, ласковую, заботливую жену.

– Зачем? – попятился Викентий и мотнул головой. – Нет, не надо!

– Ты не хочешь иметь женщину? – замерла богиня.

– Воин должен быть голодным и одиноким! – отчеканил викинг. – Если у бойца дома жена и дети по лавкам сидят, он будет думать не о победе, а о том, как скорее к ним вернуться. Если воин рискует оставить вдову и сирот, он перестает искать битвы и начинает бояться смерти! Не-ет, богиня, такой подарок мне ни к чему. Дай мне меч, пиво и покажи врага. Все остальное можешь оставить себе.

Макошь постояла на месте еще пару секунд, потом спустилась, величаво приблизилась к Викентию, обошла его кругом, с интересом осматривая с ног до головы, и негромко произнесла:

– Похоже, Трояново заклинание творилось не зря. Мы призвали из будущего бога войны.

Праздник воина

– Значит, парням полагаются жены? А как насчет мужей для нас? – возмутилась Валентина.

– Вы ведь не захотите принадлежать смертным? – снизошла до ответа великая Макошь. – Найти же равного вам и не имеющего супругу бога отнюдь не просто. Мне таковые просто неизвестны... – Она перевела взгляд на Свету и чуть смягчилась: – Увы...

– Ничего страшного, прекрасная богиня, – покачала головой девушка. – Мы не спешим. Ведь у нас впереди вечность.

– Умница... – Женщина провела по ее щеке кончиками пальцев. – Я чувствую, ты тоже принесешь мне удачу.

Макошь резко повернулась, поднялась на крыльцо. Торжественно провозгласила:

– Заклятие премудрого Трояна принесло удачу! Мы обрели сильных помощников, наследников корня Сварожьего и его силы! Пусть трепещут наши враги, грядет их смертный час! Я приглашаю вас в свои хоромы в Вологде, дети. Следуйте за мной!

Богиня вошла в дверь.

– Пошли, брат мой. – Перун хлопнул Викентия по плечу, двинулся за сестрой. – Полагаю, вы там, в будущем, не разучились пользоваться зеркалами?

– Чего там ими пользоваться? – презрительно скривилась Валентина.

– А как ими пользоваться? – Почти тот же вопрос в устах Матвея стал вопросительным.

– Ну, перемещаться, – чуть повернувшись, ответил Перун.

– Это как?

– Через зеркало.

– Боюсь, дружище, мы привыкли к другим способам, – вмешался в их разговор Викентий.

– Ничего, я тебя проведу, – не особо удивился бог грозы.

За дверью оказалась достаточно просторная комната, пол которой застилала изрядно затоптанная кошма, ею же были обиты стены. Возвышение с коврами и звериными шкурами, видимо, служило постелью. В одном углу теснилось несколько копий, лежали щиты, каменные и железные топоры, в другом – возвышался сундук. Обстановку завершало овальное черное зеркало возле ложа.

– Пипец, ну мы и попали, – пусть шепотом, но достаточно ясно пробормотала Валентина. – Если это дом здешнего хозяина, то остальные, выходит, и вовсе в полной жопе корячатся. Безумная нищета...

– Твое счастье, что Квасур не слышит тебя, несчастная, – заиграла желваками великая Макошь. – Если тебе не нравятся наши дома, ты можешь жить в могиле!

– Один не умеет ходить через зеркала, сестра, – сообщил Перун. – Придется тянуть...

Он взял Викентия под локоть и сделал решительный шаг в темноту овала, удерживая гостя рядом. Реконструктор не сопротивлялся, и исчезли они легко и быстро.

– Квадратуру мне в тангенс... – изумленно пробормотал студент-технолог, подойдя ближе и трогая зеркало. – Это что, портал? Плоскость сингулярности? На ощупь просто камень... Холодный... Интересно, какой тут источник питания?

– Это просто обсидиан, мой мальчик, – ответила ему богиня. – Кстати, ты единственный, кто так и не назвал своего имени.

– Матвей, великая Макошь, – повернулся к ней юноша.

– Я запомню, – кивнула женщина и толкнула его в грудь.

Студент что-то неразборчиво вякнул и провалился в черноту овала.

– Или сюда, дитя, – поманила Свету богиня. – Дай руку. Держись поближе, зеркало может отрезать слишком дальние края...

Макошь сделала легкое движение ладонью, от которого ее гостя чуть воспарила, и с полупоклоном нырнула во мрак, затянув с собой девушку.

– Ты зря гневаешь богиню, павушка, – негромко укорил гостью Троян. – Она достаточно сильна, чтобы изгнать в небытие даже сварожича.

– Как ты меня назвал? – зло прищурилась Валентина.

– Павушка... – чуть стушевался пятисотлетний паренек. – Юная пава.

– Это самка павлина, что ли?

Троян поджал губы, пожал плечами. Посмотрел на зеркало и спросил:

– Тебя провести во дворец Макоши или остаешься?

Валентина еще раз осмотрелась и отрицательно замотала головой:

– Не-не-не, только не здесь! Авось хоть дальше станет чуточку веселее. Тащи в стекло... – Девушка протянула ему руку.

– Я не так силен, как богиня богатства, – покачал головой Троян. – Прижмись плотнее, иначе тебя отрежет.

– Могу прыгнуть на ручки.

– Это излишне. – Бог времени и пространства обнял Валентину за талию и увлек в полированный овал.

Помещение по другую сторону портала оказалось еще теснее обители московского градоначальника. Однако когда Троян отпустил талию девушки и за руку провел ее через две двери, они очутились в просторных тронных палатах. Чем еще могло быть обширное помещение с одиноким креслом на возвышении?

После Москвы, напоминающей очень большую деревенскую избу, гости словно попали в богатую усадьбу, стилизованную под русскую старину: белый пол из плотно сбитых досок, обитые бордовой тканью стены, ровный потолок, большие светлые окна, забранные слюдяными пластинками. Богиня и молодые люди заметно опередили ее, и Валентине пришлось перейти на бег, дабы нагнать остальную компанию.

Миновав освещенный масляными лампами коридор, Макошь взмахнула рукой, справа от нее распахнулась дверь.

– Полагаю, вы притомились с дороги, – развернулась она. – Я велела накрыть для вас стол. Пока будете кушать, вострухи приготовят вам опочивальни.

– А куда исчез наш рыжебородый друг? – остановился у порога Викентий.

– Мой брат повелевает Биармией, и ему надобно посетить свою столицу. Богам нельзя надолго покидать своего дома. Мы обязаны заботиться о своих подданных, их покое, здоровье и благополучии, – с вежливой улыбкой поведала женщина. – Однако я уверена, вскоре вы встретитесь. Храбрый Перун не любит пропускать сражений, а они, увы, случаются все чаще и чаще.

– Если он возьмет меня в компанию, мне понадобится снаряжение.

– Ты получишь все желаемое, юный Один, – пообещала богиня.

Валентине надоело ждать завершения их разговора – она чуть отодвинула молодого человека, первой прошла в просторную горницу со стенами из струганых бревен, дощатым полом и широко распахнутым окном. Там, снаружи, синело небо, шелестели березовые кроны, пели птицы, журчала вода близкой реки. А по эту сторону твердо стоял на толстых ножках стол с самыми разными лакомствами в деревянных мисках. Тут были и соленые грибы, и моченые яблоки, и квашеная капуста, и тушеное мясо, и запеченная рыба. Однако не имелось ни тарелок, ни ложек с вилками.

– Однако хозяйка нас уважает, – громко заметил Один, притворяя за собою дверь. – Не в людскую отправила, вместе со всеми обедать. Отдельно угощает! Хороший знак.

Молодой человек двумя пальцами выхватил из миски кусок влажного от соуса мяса, отправил в рот, с видимым удовольствием прожевал:

– Да, это вам не пицца! Налетай, чего смотрите? Официантов не будет.

– Что, руками? – поморщилась Света.

– Вообще, по русскому обычаю ложку и нож полагается иметь свои, – ответил Викентий, запуская пальцы в капусту. – Но раз у нас их нет, придется обходиться пальцами.

– Я вижу, тебе тут нравится? – поинтересовался Матвей.

– Зарекаться не стану, – мотнул головой Один. – Но есть ощущение, что я попал в рай!

– А я – в ад, – вздохнул студент и осторожно, двумя пальцами, поднял с низкого широкого блюда толстого глазастого судака.

Валентина первым делом взяла свисающий с борта деревянной бадейки ковшик, зачерпнула мутную жидкость из емкости, пригубила... Почмокала – и осушила ковшик до дна.

– Похоже, что квас. Чуть кисловатый, но вкусный, – порекомендовала она. И тоже потянулась за мясом.

– Что, малышка, жизнь налаживается? – улыбнулся ей высокий и плечистый Один.

– Добровольно помирать не собираюсь, – ответила Валентина. – Им придется меня убить.

– Оптимизм бьет ключом! – расхохотался Викентий. – Света, бери пример.

Девушка с каштановыми волосами вздохнула и потянулась за яблоком.

– Может, это все-таки сон? – понадеялся студент, постепенно управляясь с аппетитной рыбиной. – Не хотелось бы остаться без диплома.

– Не бойсь, парень! – подмигнул ему Один. – Богиня же объяснила: достаточно подождать три тысячи лет, и ты сможешь спокойно пересдать все хвосты.

– Вот ни капли не смешно!

– А еще ты можешь построить машину времени и быстренько перенести нас всех обратно домой, – предложил реконструктор.

– Путешествия во времени невозможны!

– Матвей, дружище... – Один старательно осмотрелся по сторонам. – Ты в этом абсолютно уверен?

– Даже если это не сон, – тихо ответил студент, – мне подобная технология неизвестна.

– Ничего сложного, – неожиданно сказала Валентина. – Достаточно погрузиться в летаргию. Глубокую, как сон. И проснуться через оговоренное время. Мы же со Светой ведьмы. Если верить Макоши, то не просто колдуньи, а настоящие родовитые богини. Мы сможем придумать нужные заклинания. Правда, подруга?

– Вы как знаете, девочки, – покачал головой реконструктор, – но я свою тушку друзьям-археологам не доверю.

– При чем тут археологи?

– Так ведь выкопают, на кусочки разделают и по музейным витринам разложат! Я этих архаровцев хорошо знаю.

– Нужно сделать крепкий и глубокий склеп. Такой, чтобы никто не нашел и не добрался. Чтобы за тридцать веков даже не осыпался.

– Не сочти за намек, Валенька, но кое-кто с этой целью даже пирамиды строил. – Викентий заговорщицки подмигнул: – Рассказать, чем дело закончилось?

– Пещеры они тоже рыли, – вдруг вспомнил Матвей. – Рамзеса, например, в пещере откопали.

– Лежащего в крепком и глубоком склепе! – вскинул палец реконструктор. – Мудрые мысли буквально носятся в воздухе...

Внезапно дверь отворилась, на пороге появился совершенно седой мужчина, белобородый, в кожаной кирасе и серых шерстяных шароварах, заправленных в сапоги с широкими голенищами.

– Это вы молодые боги? – обвел он взглядом пирующую компанию. – Оборотни осадили Сарвож!

– Веди! – тут же посерьезнел самый рослый и могучий из выбранных соколом сварожичей. – Подробности по дороге.

Новый знакомый пришельцев из будущего прекрасно знал все закоулки просторного дворца повелительницы Вологды, быстро и уверенно провел молодых людей в маленькую комнатушку с зеркалом, и здесь старший из гостей вскинул ладони:

– Прости, друг, забыл представиться. Меня зовут Один.

– Я Похвист, хозяин ветров.

– И еще я забыл сказать, что мы не умеем пользоваться этим порталом, – указал на зеркало гость Макоши.

– Чего тут сложного? – пожал плечами седобородый бог. – Представляете место, где нужно очутиться по ту сторону, и входите в зеркало.

– Но мы не знаем, куда должны попасть!

– Да, – после короткого колебания согласился Похвист. – О сем я не помыслил. Подходите сюда...

Мужчина оказался силен – одного за другим он похватал гостей за пояс и отправил в зеркало. Причем без особого труда оторвал от пола даже Викентия и прошел вместе с ним.

* * *

Сарвож доказал, что Москва на самом деле – крупный и зажиточный город. Крепость, в которую буквально выкатились по шелестящим травяным тюфякам молодые люди, оказалась куда более скромной, если не сказать – бедной.

Нет, размерами стоящая у слияния двух рек твердыня будущей столице ничуть не уступала. Но здесь бревенчатой была только одна из стен, высотой примерно в три человеческих роста и шагов полтора в длину. Укрепления, стоящие вдоль речных берегов, представляли собой всего лишь плотный частокол в полтора роста в высоту и даже без помоста для защитников. Правильных ворот здесь тоже не имелось. Вход был сделан от берега, через широкую калитку. Правда, чтобы попасть в него, следовало пройти мимо бревенчатой стены – и защитники вполне могли перебить атакующих, закалывая их сверху копьями.

– Приветствую вас, великие боги, – почтительно встретил гостей чернобородый воин в толстой кожаной куртке и в шапке с нашитыми на нее костяными пластинами. С его пояса свисали длинный нож и палица с каменным наконечником. – Благодарим за столь скорое появление!

– Показывай! – распорядился Похвист и быстро вскарабкался наверх по приставной лестнице.

Молодые люди забрались следом.

Сверху во все стороны открылся прекрасный вид. Почти к самым ногам воинов стекались две спокойные медлительные реки, каждая шагов двадцати шириной. Обе – с обрывистыми берегами высотой примерно в пару метров. По ту сторону почти к самой воде подступал густой березняк, ольховая роща начиналась и перед крепостью, за длинными грядками с капустой, свеклой и морковью.

– Они прячутся вон там, – указал в сторону ольховника чернобородый, – по сторонам от лосиной тропы. Не знаю, уцелело наше стадо или нет? Сигнал мы подали сразу, едва оборотни вышли к грядкам. Но заметили его лесорубы или нет, неведомо. Если заметили, то стадо увели...

– Они вышли к грядкам, и что? – поинтересовался Викентий, стоя на самом краю стены.

– Мы отогнали их стрелами, великий.

– Их было много?

– Мы видели десятерых. И еще кто-то прятался среди деревьев.

– И вы не попытались их перебить?

– В крепости всего восемь взрослых мужчин, умеющих сражаться, великий, – ответил чернобородый. – И еще десятка полтора мальчиков и неопытных юношей. Все остальные ушли с лосями на работу.

– Еще с десятков? – наугад предположил Викентий. Он прошел вдоль стены, осматривая готовых защищать родной город мужчин.

Все они были похожи, как братья: суровые обветренные лица, густые курчавые бороды, шапки из толстой кожи, сшитые мехом внутрь, для смягчения ударов, такие же простые добротные куртки. Из оружия – квадратные щиты, пики с короткими узкими наконечниками, ножи, палицы.

– Все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор, – пробормотал реконструктор. – Ну-ка дай!

Он решительно забрал у одного из бородачей копьё и щит, вернулся к Похвисту, не спрашивая разрешения, вытянул у него из петли топорик, сунул себе за пояс, резко выдохнул, запрыгнул на край стены.

– Во славу Одина!!! – С торжествующим криком Викентий вскинул над головой щит и копьё и прыгнул наружу. Приземлился, как после парашюта – на полусогнутые; гася удар, кувыркнулся вперед через плечо и со всех ног побежал к врагам, ощущая наполняющий жилы холодный восторг, пенящийся, как газировка, бодрящий и умножающий силы. – По-о-оберегись!!!

В роще наметилось некое движение. Реконструктор пробежал уже половину пути, когда на открытое пространство наконец-то вышли два лучника, вскинули оружие. Мелькнули в воздухе темные штрихи – Викентий вскинул щит, ощутил стук от попадания стрелы, опустил прямоугольник, открывая себе обзор, снова вскинул, ловя стрелы, опустил и с резким выдохом метнул копьё.

Кувыркнулся, потеряв равновесие, снова вскочил и в два последних прыжка налетел на выжившего лучника.

– О-один!!! – Викентий обрушил топор на голову несчастного. Тот подставил лук, отпрянул. Оружие переломилось, но враг сумел увернуться, отскочить, на его место из ольховника выскочили несколько других со щитами и копьями. На солнце сверкнули кремниевые наконечники. – Х-ха-а!

Хочоча от восторга, Один принял на щит первый выпад, отбил в сторону второй и, стремительно сближаясь, цепанул топориком за верх щита, рванул к себе, тут же ударил вперед, разбивая лицо врага, поднырнул под копьё, с размаху ударил в щит другого чужака, глубоко всаживая лезвие, рванул к себе и вниз, с размаху ударил сверху, в открывшееся пространство, краем своего...

Топорик, как назло, глубоко застрял во вражеском щите. У реконструктора в руках оказалось два деревянных прямоугольника – и никакого наступательного оружия. Однако времени разбираться не имелось – вместо погибшего врага уже заносил дубинку другой смуглый бородач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.